

26.8

3-34

В. и Е. ЗАРИНЫ

**ПУТЕШЕСТВИЯ
А.В. ПОТАНИНОЙ**

ГЕОГРАФИЗ

1950

В. и Е. ЗАРИНЫ

ПУТЕШЕСТВИЯ А. В. ПОТАНИНОЙ

Под редакцией В. В. Обручева

*С воспоминаниями о А. В. Потаниной
академика В. А. Обручева*

*Государственное издательство
географической литературы
1950*

*Александра Викторовна
Потанина
(с фотографии 70-х гг.)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние тридцать лет девятнадцатого века отмечены крупными русскими путешествиями по Центральной Азии. Среди плеяды отважных сынов России, стремившихся познать тайны пустынь, степей и снежных гор Монголии, Китая и Тибета, ряд имен сверкает, как звезды первой величины, — это Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов и Г. Н. Потанин. Эти три путешественника создали, по образному выражению академика В. А. Обручева, «основную канву географического лика внутренней Азии, на которой позднейшие путешественники разных специальностей начали уже вышивать узоры, то-есть наносить детали общей картины».

Трудно определить, кто «из этой троицы пионеров географической работы» сделал больше другого, кому из них надлежит отвести первое место среди исследователей внутренней Азии.

Григорий Николаевич Потанин прожил долгую и интересную жизнь (1835—1920), большая часть которой была посвящена изучению народов и природы внутренней Азии. Еще в 1863 г. он принял участие в экспедиции на озеро Зайсан и южный Алтай, в 1864 г. — на хребет Тарбагатай. После десятилетнего перерыва Потанин возобновляет свою работу по изучению Центральной Азии, возглавив в 1876—1877 и 1879—1880 гг. экспедиции в Северо-западную Монголию; в этих экспедициях приняла участие и его жена Александра Викторовна.

В 1883—1886 гг. Потанины исследуют Тангутско-Тибетскую окраину Китая и возвращаются в Россию через Центральную Монголию; маршруты этого путешествия на

значительном протяжении пролегли по местам, еще не посещенным европейцами.

Во время четвертого путешествия в Сычуань и на восточную окраину Тибета в 1892—1893 гг. Г. Н. Потанина вновь сопровождала Александра Викторовна, несмотря на подорванное предыдущими экспедициями здоровье; но она уже не смогла перенести все тяготы и трудные условия экспедиционной работы и скончалась 19 сентября 1893 г. около города Чунцин на Ян-цзе-кианге. Убитый горем Г. Н. Потанин, для которого А. В. была в течение 20 лет другом и помощником, не смог продолжать работу и вернулся в Россию.

В последующую часть своей жизни Г. Н. Потанин совершил ряд небольших поездок на Б. Хинган, Алтай, в Забайкалье и Киргизскую (Казахскую) степь и занимался в основном изучением эпоса азиатских народов.

Обладая незаурядными способностями, Александра Викторовна была деятельной помощницей и сотрудницей Г. Н. Потанина не только во время его путешествий, но и в общественной и научной работе в промежутках между экспедициями. Она помогала собирать ботанические коллекции, вести метеорологические наблюдения, записывать сведения по этнографии; будучи художницей, она зарисовывала предметы одежды и утвари изучаемых народов и пейзажи. Особенно большую помощь она оказывала тем, что, как женщина, могла проникать в замкнутую для посторонних мужчин среду — в среду женщин — и изучать семейную жизнь китайцев, монголов и других народов. Ее присутствие в экспедиции подчеркивало мирный характер путешествия и в значительной степени помогало установлению хороших отношений с населением.

Обладая литературными способностями, А. В. умела тонко подмечать и отображать в своих очерках и рассказах особенности жизни ряда азиатских народов. Эти очерки, печатавшиеся в различных журналах и газетах, были в 1895 г. изданы отдельной книгой.

Нужно отметить еще одну черту А. В. — ее высокий моральный облик; она была не только деятельной помощницей мужа, но и его огромной и ничем не заменимой нравственной поддержкой. И чтобы не лишиться его этой поддержки в экспедиции в Сычуань, она поехала в это путешествие, будучи уже больной, несмотря на уговоры

врача русского посольства в Пекине. За эту самоотверженность она заплатила жизнью, едва достигнув 50 лет.

Среди русских женщин-путешественниц Александра Потанина занимает почетное место. Описанию ее трудовой жизни, прервавшейся в разгаре научной деятельности, посвящена биография, составленная Е. А. и В. М. Заринными; в конце книги мы помещаем воспоминания акад. В. А. Обручева, лично знавшего А. В. Потанину.

В. В. Обручев

8 марта 1950 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ А. В. ПОТАНИНОЙ

«...у нас уже начинается легион почетных женщин, и, кажется, он скоро вырастет широко и могуче. В нем одною из первых, первоначальных, будет однажды, наверное, считаться та, чей портрет, среди крепов и пальм, стоит теперь вот перед вами всеми. Позвольте же мне предложить вам... провозгласить этой нашей дорогой женщине: слава, слава, слава!»

*Из речи В. В. Стасова на вечере
памяти А. В. Потаниной¹.*

В истории русских путешествий издавна упоминаются имена участниц дальних экспедиций.

Более двух столетий назад, для участия в Великой Северной экспедиции, вышла в плавание дубель-шлюпка «Якутск». В этой экспедиции, открывшей миру берега Северного Ледовитого океана от Югорского шара до Берингова пролива, — погибли отважный командир «Якутска» лейтенант Василий Прончищев и его жена Мария.

Именем Марии Прончищевой названа одна из бухт Северного Ледовитого океана, воображаемый облик отважной мореплавательницы художники запечатлевают на полотне, но документальных данных о ее жизни очень мало.

Известно, что она вышла замуж за лейтенанта Прончищева незадолго до выхода в плавание и что она самоотверженно ухаживала за мужем, когда суровые арктические условия подорвали его здоровье.

Больной командир дубель-шлюпки «Якутск» выполнил задание, доведя свое судно почти до самой северной

оконечности Азии, затем повернул обратно и зазимовал в устье Оленека. Судовой журнал рапортует о полном здравии зимующей команды и о гибели ее командира. Несколько строк в сообщениях, посвященных этому событию, заканчиваются известием, что «несчастливая супруга лейтенанта Прончищева, находившаяся с ним в сем путешествии, лишась весьма любимого ею мужа, не перенесла сей потери; снедаемая печалью вскоре последовала за супругом во гроб и похоронена с ним вместе».

Имя Марии Прончищевой по праву стоит в ряду славных имен первых русских женщин-полярниц.

Столетие отделяет нас от другой замечательной женщины прошлого. В 1851 г. девятнадцатилетняя Екатерина Невельская отправилась вместе со своим мужем Геннадием Ивановичем Невельским на Охотское море. Следуя вместе с известной Амурской экспедицией капитана Невельского, молодая женщина претерпевала жесточайшие лишения длительных голодовок, подвергалась смертельной опасности во время плаваний и сделала верхом 1 100 верст по непроходимому бездорожью Охотского тракта.

Благодаря Амурской экспедиции за Россией были закреплены Приамурский и Приморский края. Современники Невельского и позднейшие исследователи неизменно отмечают ту большую помощь, какую оказывала экспедиции самоотверженная патриотка Екатерина Невельская.

Мария Прончищева, Екатерина Невельская, Александра Потанина были замечательными русскими женщинами, беззаветно преданными своей Родине, о которых мы с особой патриотической гордостью вспоминаем теперь, когда в нашей стране широко и могуче выросли «легионы почетных женщин» — знатных советских людей.

Александра Викторовна Потанина была одной из первых женщин, сделавших ценный вклад в этнографическую науку, одной из первых женщин, принятых в члены Русского географического общества и удостоенных за свои научные труды золотой медали.

В историю русских путешествий Александра Викторовна вошла и как незаменимая помощница и верная спутница известного путешественника Г. Н. Потанина. Разделяя труды мужа (сбор и сохранение коллекций, ведение метеорологических наблюдений, дневников и т. п.),

она находила время и для своих литературно-художественных занятий. Работы Потаниной, являясь прекрасным дополнением к суховатым дневникам путешествий Г. Н. Потанина, имеют и большую самостоятельную ценность.

В предисловии к первому изданию своих очерков по Северо-Западной Монголии сам Потанин признает излишнюю лаконичность своих описаний: «...я ограничился изложением одних только фактов топографии и этнографии, исключив из путешествия как личные впечатления, так и рассказы посторонних лиц, которыми обрисовывается как характер местной природы, так и образ жизни местного населения... я хотел для общей публики написать отдельно путевые очерки, в которых мои личные воспоминания могли бы быть дополнены извлечениями из других авторов о Монголии, так что это была бы популярная книга об этой стране»².

Обширный план, намеченный Потаниным, ему не удалось выполнить по целому ряду причин. И только в литературных очерках и зарисовках Александры Викторовны остались запечатленными картины быта и природы исследованных стран. Эти работы и собранные ею этнографические коллекции снискали ей глубокое уважение одного из самых крупных представителей русской культуры — В. В. Стасова. Встретившись с А. В. Потаниной, он, со свойственной ему увлекающейся натуре горячностью, настоятельно убеждал ее заниматься во время путешествий зарисовками восточно-азиатских эмалей. В. В. Стасов вспоминает: «Александра Викторовна, улыбаясь своей тихой и кроткой улыбкой, сказала: извольте, обещаю всем этим заняться, все сделаю для ваших вопросов, что могу. Пришлю или привезу вам, что только можно»³.

Рисунки, привезенные А. В. Потаниной из третьего путешествия, были высоко оценены В. В. Стасовым и стали достоянием науки.

В свое последнее путешествие Александра Викторовна отправилась уже больной, но все же она нашла силы выполнить взятые на себя обязательства.

Новые ценные для этнографической науки документы Стасов получил уже после смерти Александры Викторовны. Г. Н. Потанин сам привез ему всю коллекцию.

И в этой неизменной преданности любимому делу сказалась основная черта характеров Потаниных — подлинных энтузиастов науки.

Выдающийся русский географ Д. Н. Анучин в предисловии к выпущенному в память А. В. Потаниной сборнику ее произведений пишет: «Александра Викторовна Потанина... оставила по себе неизгладимую память в истории землеведения Азии. Неутомимая путешественница, посвятившая все зрелые годы своей жизни странствиям по Сибири, Монголии, Тибету, Китаю, она была незаменимой, деятельной спутницей своего супруга Григория Николаевича Потанина, помогая ему собирать новые данные и наблюдения по географии и этнографии малоизвестных частей Центральной Азии» ⁴.

Глава I

Александра Викторовна Потанина (урожденная Лаврская) родилась 25 января 1843 г. в Нижнем Новгороде *. Особой любви и заботы ни она, ни ее братья в родном доме не видели. Отец, Виктор Николаевич Лаврский, человек замкнутый и мрачный, почти не уделял внимания детям, отдавая все свое время преподаванию в духовной семинарии. Вечно занятая хлопотами по хозяйству, мать, Екатерина Васильевна, должна была нести все тяготы воспитания и первоначального обучения детей. Подруг-сверстниц у Александры Лаврской почти не было. Не по летам развитая девочка дружила со взрослыми, а играть любила только с младшим братом Костей — в этих детских играх уже сказывался стойкий характер будущей путешественницы: «мы играли в прятки, — писала о своем детстве Александра Викторовна, — и для этого самым лучшим и самым страшным было залезть в окно подвала, уцепиться за оконную решетку и висеть таким образом, далеко не доставая ногами до пола подвала. Страшно было, во-первых, и свалиться, а потом много там было двухвосток» ⁵.

Внешних впечатлений или развлечений юные Лаврские совсем не имели. «Поездка с самоваром за город или катание на лодке были годовыми событиями», — вспоминал впоследствии брат Александры Викторовны.

* Ныне г. Горький.

Единственным доступным развлечением детей было слушание рассказов и сказок няни — повидимому талантливого импровизатора-самородка. Вспоминая в своей, к сожалению, незаконченной автобиографии эту няню Авдотью, А. В. Потанина пишет: «Сначала она служила в кухарках, потом в няньках и выжила у нас 17 лет и сыграла довольно большую роль в образовании наших характеров... До житья у нас она ходила два раза на богомолье в Киев и очень хорошо рассказывала о пещерах, о службе в лавре, а главное — о том, как они останавливались в лесочке, где-нибудь у реки, как цвели яблони в самую раннюю пору, когда у нас одни вербы распускаются, как стирали белье на остановках, как просились ночевать где-нибудь у хозяйки; одним словом, она передавала всю поэзию путешествия, и я начала также мечтать сходить пешком в Киев»⁶.

О безысходной крестьянской нужде дети узнали очень рано от той же Авдотьи и от ее родных, приезжавших из окрестных деревень. В их рассказах оживали картины страшного крепостного быта. Особенно запомнились юным слушателям рассказы о рекрутском наборе. «Помню, как нянька, возвратясь, рассказывала о виденных сценах; о том, как иного приведут в цепях, как его оплакивают родные, как причитают; с большим сочувствием относилась, когда крикнут: «затылок!»* — как рекрут, получивши «затылок», бежит обыкновенно из присутствия голый и за ним вся родня, подбирая его рубаху, шубу, шапку и т. д. Нечего и говорить, что мы, дети, жадно выслушивали все такие рассказы»⁷.

Большое влияние на развитие детей имела и Анна Яковлевна Брагина, жена прядильщика канатов, друг семьи Лаврских. Анна Яковлевна часто наезжала из соседнего городка Горбатова — центра канатного производства на Волге. В Горбатовском уезде семьи от внуков до дедов с зари до зари вили канаты — знаменитую «бурлацкую бечеву», с такой болью и гневом воспетую Некрасовым.

«Почему-то она меня особенно любила, — писала о Брагиной Александра Викторовна, — и я помню, что чувствовала себя очень уютно, забравшись к ней на колени и прижавшись к ее белой холщевой рубашке, завя-

* Т. е. не взят в солдаты.

занной яркой ленточкой, тогда как полы ее бараньей шубы окутывали меня сверху... Когда я выросла, она рассказывала мне о крепостных невзгодах — в молодости она была крепостной очень злой и развратной барыни... Через Анну Яковлевну и няньку, с ее родными и друзьями... мы, дети, и получали наше знакомство с жизнью народа»⁸.

Тяжела и беспросветна была эта жизнь в те времена. «В селах и городах Нижегородской губернии огромная масса населения не имела никаких средств к жизни, кроме работы на капиталистических эксплуататоров, которые держали в своих руках промышленное производство. Жесточайшая эксплуатация трудящихся, низкая заработная плата порождали нищету, голод, болезни»⁹.

В самом городе бок о бок с богатством и роскошью купеческих особняков уживалось запечатленное в произведениях Горького Канавино — окраина Нижнего Новгорода, население которой жило в нечеловеческих условиях нищеты и грязи.

Впечатления детства не прошли бесследно для Александры Лаврской — любовь к народу, к народному творчеству, интерес к путешествиям остались у Александры Викторовны на всю жизнь.

Горячая дружба связывала молодое поколение Лаврских. Особенно близки были Шурочка и младший брат Костя, постоянный ее товарищ по детским играм и первым занятиям грамотой.

Обучение грамоте велось без всякой системы всегда занятой и раздражительной матерью. «Азбуку собственно я учила под руководством маменьки и помню, что мать часто сердилась при этом, — вспоминала Александра Викторовна, ... меня заставляли читать псалтырь блаженного Августина. Книжка только потому казалась пригодной для детского чтения, что была напечатана крупным шрифтом, зато слова в ней случались ужасно длинные, и мне даже казалось, что мать иные и сама с трудом выговаривает, и я отказывалась их выговаривать или перекидывала, — и книжка летела на пол... Когда выучился читать Костя, не помню, должно быть, мы выучились вместе; писали, помню, вместе, и всегда являлось соревнование. Буквы мы всегда олицетворяли: они были гордые, веселые, печальные, спесивые, с поджатым хвостиком и т. д.»¹⁰. Несмотря на такие несерьезные занятия,

Шура Лаврская уже к восьми годам не только умела бегло читать, но и сама занималась «сочинительством»; «...у меня всегда что-нибудь пишется — и это чуть не с восьмилетнего возраста», отмечала в одном из писем Александра Викторовна друзьям.

На образование юной Лаврской сильное влияние оказала Е. П. Юрьева — тетка популярного в конце XIX в. беллетриста Боборыкина. Бывая часто в семье Лаврских, Юрьева интересовалась любознательной девочкой и взялась руководить ее чтением. Но занятия с Юрьевой не могли заменить девочке систематической учебы — ее образованием родители попрежнему мало интересовались, и единственным наставником подраставшей Шуры становится старший брат Валерьян.

Валерьян Лаврский, друживший в юности с Н. А. Добролюбовым, первый привил сестре любовь к естественным наукам.

В эти годы только начинала зарождаться тяга молодежи к естествознанию. Интерес к познанию природы постепенно вырос в целое умственное движение, по определению К. А. Тимирязева, в «движение мысли, пробужденное быстрыми успехами естествознания»¹¹.

Валерьян учил сестру сбору коллекций, гербаризированию и проводил совместно с ней интересные физические опыты. Авторитет Валерьяна был очень высок в семье, и не было ничего удивительного в том, что интересы сестры в детстве складывались под сильным его влиянием.

Усидчивость и способность быстро овладевать изучаемым предметом были свойственны А. В. Потаниной с самых ранних лет, чем бы она ни занималась, будь то рукоделие, занятие естественными науками или рисование. Увлечение живописью, к которой Александра Викторовна имела особую склонность, несомненно встречало сочувствие Валерьяна, который был, по выражению Добролюбова, «записным любителем» искусств.

Валерьян Лаврский, подававший большие надежды в юности, не оправдал их в зрелую пору жизни, замкнувшись в религиозной схоластике и отвергнув научные методы познания природы¹². Пути Валерьяна впоследствии далеко разошлись не только с путями Добролюбова, но и с путями родной сестры. Валерьян Лаврский,

окончив Казанскую духовную академию, в конце концов стал священником.

* *

*

Годы шли. У дочери небогатого провинциального священника мало было надежд уйти в науку. Пути к науке для женщины в ту пору были очень затруднены. Преодолеть эти затруднения можно было либо при наличии больших средств, либо при помощи фиктивного брака *, получившего в те годы в России широкое распространение. Недюжинная, замкнутая по натуре девушка глубоко затаила свою тоску по «настоящим» людям, поневоле довольствуясь отраженным светом жизни своих братьев. Младший брат Константин, поступив 16-ти лет в Казанский университет, примкнул к студенческому движению и в письмах к сестре делился всем тем, что волновало тогда передовую молодежь.

Это были годы, предшествовавшие отмене крепостного права. По всей стране ширились крестьянские волнения. Но «...народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, — писал В. И. Ленин, — не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли» (В. И. Ленин. Соч., изд. 3, т. XV, стр. 108).

В год «освобождения» крестьян умер отец Александры Викторовны — Виктор Николаевич Лаврский. По существовавшему тогда обычаю, вакантное место мог занять священник, только женившись на дочери умершего. Александра Лаврская решилась на смелый для ее среды шаг — она отказалась от своих «прав на место», не желая быть придачей к церковному приходу.

Чтобы не нарушать привычный уклад жизни семьи, Валерьян Лаврский, к этому времени уже имевший звание протоиерея, взял приход отца. Александра Викторовна открыла школу для девочек.

После «освобождения» обманутое крестьянство ответило на царский манифест массовыми волнениями, осо-

* Даже гениальный математик, современница А. В. Потаниной, Софья Корвин-Круковская вынуждена была связать себя фиктивным браком с ученым Владимиром Ковалевским для того, чтобы получить право на образование.

бенно крупными в Казанской и Пензенской губерниях. Кровавое усмирение крестьян вызвало демонстрацию протеста студентов Казанского университета и духовной академии. Волна демонстраций прокатилась по всей стране.

Общение с братом Константином, принимавшим горячее участие во всех событиях студенческой жизни, было для Александры Лаврской началом школы жизни.

В 1866 г. в Нижнем Новгороде открылось женское епархиальное училище, в котором Александра Лаврская получила место воспитательницы. «У нас навсегда сохранится память об Александре Викторовне как о человеке чрезвычайно прямом, честном и глубоко отзывчивом на все доброе и хорошее», — пишет одна из ее сослуживиц¹³.

Относясь честно к своим обязанностям, Александра Викторовна все же не могла чувствовать себя удовлетворенной занятиями в духовном училище и обывательскими интересами окружавшей ее среды.

Немало нравственных страданий выпало на ее долю. С годами ей становилось все яснее, что приближается пора, когда надо будет отказаться от всякой надежды на осуществление своей мечты о другой, настоящей жизни. Все чаще откладывает она в сторону свои литературные и художественные работы, боясь, чтобы с детства присущая ей тяга к писательству и живописи не выродилась в пустую графоманию и дилетантство. Особенно остро переживала Александра Викторовна невозможность совершенствоваться в живописи. Впоследствии Стасов, высоко оценивая даровитость А. В. Потаниной, не раз сетовал на досадное отсутствие у нее необходимых мастерских навыков: «Если б за 20, за 15, за 10 лет раньше, люди, окружавшие Александру Викторовну в ее молодости, да и она сама, с ними вместе, могли отгадать, кто она такая будет впоследствии, куда судьба будет ее бросать, какие важные наинтереснейшие предметы она будет видеть и описывать, вероятно ее постарались бы совсем иначе поучить рисованию. Да, но вот беда, никто ничего вперед не знает. Пословица говорит: «знал бы где упадешь, подостлал бы соломки». Но ничего вперед не знаешь, соломки никакой никогда не подостлано, где надо. Однако же и без соломки Александра Викторовна наделала много полезного и хорошего»¹⁴.

Давно перешагнула Александра Викторовна пору юности, когда неожиданные события в корне изменили ее судьбу.

В 1872 г. Константин Лаврский, к этому времени уже редактор «Камско-Волжской газеты», был сослан в г. Никольск Вологодской губернии. В Никольске Константин близко сошелся с отбывавшим ссылку Григорием Николаевичем Потаниным.

Вскоре Александра Викторовна приехала к брату, который познакомил ее со своим новым другом. Родство характеров коренного сибиряка Григория Потанина и волжанки Александры Лаврской обнаружилось уже после первых дней знакомства и в дальнейшем определило их редкостное семейное счастье и огромную пользу науке, которую они принесли своим совместным трудом.

В Никольске Александра Викторовна погостила недолго, но за свое пребывание она успела хорошо ознакомиться с тяжелыми условиями, в которых жил Потанин, и оценила по достоинству стойкость его духа.

В заштатном городишке людям умственного труда трудно было найти себе применение, и Григорию Николаевичу нередко приходилось голодать, что, однако, не мешало ему заниматься научной работой.

После отъезда Александры Викторовны в Нижний дружба ее с Григорием Николаевичем поддерживалась оживленной перепиской. Для Потанина эта дружба имела решающее значение в переломе его настроений, начинавших беспокоить друзей. Но «скоро я увидел из писем, — вспоминает друг Потанина Н. М. Ядринцев, — как отразилось на этом серьезном, замкнутом человеке знакомство с Александрой Викторовной, какие потоки света хлынули на него, какими цветами радуги заиграло его воображение, какое идеальное настроение сказалось в его духе, какой полет получила мысль, сколько явилось новых планов, какой энергией дышала эта сильная натура»¹⁵.

Прошел год, и Александра Лаврская вторично приехала в Никольск, чтобы навсегда соединить свою жизнь с жизнью Потанина. Скромная и неприхотливая, она не придавала никакого значения тяжелым материальным условиям, в которых очутилась в Никольске. «Я заочно, — пишет в своих воспоминаниях Ядринцев, — уже пре-

клонился перед этой женщиной, которая оценила ум и сердце моего друга, не задаваясь мыслью и не справляясь, подобно другим женщинам, о том, сумеет ли он обеспечить ее будущее»¹⁶.

Весною 1874 г. Потанин получил право проживать в любом городе, кроме столиц. Александра Викторовна уехала с мужем в свой родной Нижний.

В 1875 г. Григорий Николаевич, благодаря хлопотам знаменитого путешественника П. П. Семенова (Тян-Шанского), получил полное помилование.

П. П. Семенов покровительствовал Г. Н. Потанину еще в бытность того казачьим офицером. Случайно увидев в Омске первоклассные гербарии, собранные Потаниным за время летних походов по Сибири и Алтаю, П. П. Семенов очень заинтересовался молодым офицером, чьи скудные средства уходили на выписку книг и журналов по вопросам географии и чье свободное время целиком было заполнено ботаникой. По совету П. П. Семенова, Потанин оставил военную службу и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, преодолев для этого немало трудностей. В Петербурге он с увлечением отдался изучению естественных наук. Семенов помогал молодому студенту находить заработки. Летние месяцы Григорий Николаевич обычно проводил в экскурсиях.

Из-за студенческих волнений весной 1862 г. университет был закрыт на неопределенное время.

В 1863—1864 гг. Потанин участвовал в экспедиции астронома Струве в пограничные с Китаем местности в южном Алтае и Тарбагатае.

Сблизившись в Петербурге с кружком сибирской молодежи, Потанин уехал с друзьями в родной край. Но и в Сибири дружба и покровительство П. П. Семенова не прекратились.

~ ~

*

Получив помилование, Г. Н. Потанин с женой уехал в Петербург. В те годы у всех на устах было имя вернувшегося из Центральной Азии выдающегося русского путешественника Н. М. Пржевальского. В географических кругах столицы оживленно обсуждались результаты его первой экспедиции. «Но всего более стремления Общества к научному изучению Монголии в рассматриваемом

периоде, — писал П. П. Семенов, — были осуществлены Г. Н. Потаниным, приобретшим уже себе известность путешественника в предшедшем периоде своим участием в экспедиции К. В. Струве в бассейне Черного Иртыша»¹⁷. Григорий Николаевич подал в Географическое общество докладную записку о своем желании исследовать наименее известную часть внутренней Азии, которая лежит к югу от Томской и Енисейской губерний. На это путешествие, встретившее полное сочувствие Общества, смогли выделить только 3 000 руб. Эта сумма была, конечно, недостаточной для снаряжения экспедиции. Но потанинский проект встретил неожиданное сочувствие и в министерстве финансов; в связи с упразднением таможенных линий в 1868 г. оставалась без таможенного надзора вся восточная граница от Иркутска до Астрахани, и поэтому министерство рассчитывало использовать экспедицию для исследования как торговых пунктов и направления торгового движения, так и количества и рода самых товаров, которые могли бы составить предмет торговли. Экспедиции вменялось в обязанность в течение двух лет исследовать всю пограничную с Западной и Восточной Сибирью полосу Монголии от Чугучака и нашего Зайсанского поста до озера Косогол. На проведение всех этих работ министерство финансов отпустило также 3 000 руб. Семенов предложил Потанину немедленно отправиться в Монголию, но Григорий Николаевич попросил отсрочить экспедицию, чтобы как следует к ней подготовиться.

Друзья Потанина и новые петербургские знакомые с большой теплотой и неизменным уважением рисуют образ Александры Викторовны. В. В. Стасов пишет: «Впечатление, произведенное на меня А. В., было совершенно особенное. Она не была красива, но в ней было что-то такое необыкновенно притягательное для меня. В ее лице была какая-то страдальческая черта, которая делала мне ее необыкновенно симпатичной, хотя мне вовсе не было известно ни тогда, ни теперь, были ли у ней в самом деле страдания в жизни. Но это были какие-то исключительные черты, глубоко нарезанные на ее бледном, серьезном лице, и я не мог смотреть на нее без особенного чувства, совершенно необъяснимого и мне самому. У ней был взгляд такой, какой бывает у людей, много думающих, много читавших, много видевших...

Иногда этот взгляд казался рассеянным и потерянным, но все-таки необыкновенно сосредоточенным и углубленным. Я таких людей и такие взгляды люблю, признаюсь, и с теми людьми непременно знакомлюсь — и близко. У них и шутки и веселости все какие-то серьезные, не похожие на то, что обыкновенно видишь у других. У них целый день всякое лыко в строку: милого, грациозного порхания и пустяковины у них нет и в заводе. И вот, таким-то образом, я тотчас же постарался познакомиться с этой особенной женщиной, в которой я сразу чувствовал какую-то необыкновенную прочность душевную и надежность умственную»¹⁸.

Надо было, действительно, иметь какую-то особую «прочность» душевную, уже хотя бы для того, чтобы не раствориться в бытовых заботах, обрушившихся на Александру Викторовну всей тяжестью. Она никогда не посвящала мужа ни в какие материальные затруднения и все даже самые сложные вопросы решала сама. Огромная сила воли не дала ей погрязнуть в досадных мелочах. Один из современников дружескими простыми штрихами набросал портрет Александры Викторовны, какой она была, приехав в Петербург: «Это была скромная, застенчивая женщина, высокая, сухоощавая блондинка, с подстриженными волосами и тонким певучим голосом. Она одевалась очень скромно и просто, и лицо ее носило печать серьезной и интеллигентной женщины. В обществе она была молчалива, но отличалась тонкой наблюдательностью — качество, оказавшееся впоследствии весьма ценным для путешественницы. Ее мнения и суждения были сдержанны, но метки и отличались тонким остроумием. Она делала весьма удачные характеристики и определяла людей сразу... Она разделяла все планы и стремления Григория Николаевича и участвовала в его духовной жизни»¹⁹.

Встреча с Потаниным наполнила жизнь Александры Викторовны ощущением настоящего счастья, которое не могли поколебать никакие житейские неурядицы.

До приезда в Петербург Потанина несколько побанзалась огромного и, как ей казалось, бездушного города.

Однако с первых же дней пребывания в столице, с первых же слов, которыми она обменялась с новыми петербургскими знакомыми, Александра Викторовна по-

няла, как много тепла и творческой энергии может дать этот с виду холодный и равнодушный город.

Но позднее в письмах к друзьям в Петербург, в ответ на их уговоры оставить Иркутск, Александра Викторовна продолжала отстаивать полезность своего пребывания в провинции, где она находила полный простор для научной и общественной деятельности: «...пока я не стремлюсь уехать отсюда, — пишет она, — и мне попрежнему кажется, что нам лучше жить в провинциальном городе, что здесь наша величина не совершенно пропадает, и может оказать хоть какое-нибудь содействие при общей тяге...»²⁰.

Не имея доступа как женщина в университет, Александра Викторовна все же смогла пополнять свои знания благодаря получившим широкое признание популярным научным докладам. В «популяризации науки, или, что все равно, в ее демократизации, обнаружилось одно из проявлений духа времени»²¹, — писал К. А. Тимирязев об этой эпохе. С докладами выступали Менделеев, Сеченов, Мечников, Бутлеров, Столетов и другие корифеи русской науки.

С новыми произведениями величайших русских мастеров реализма в живописи (Репина, Верещагина, Сурикова, Перова, Крамского, Шишкина) А. В. Потанина знакомилась на художественных выставках; со многими видными представителями науки и искусства Потанины были лично дружны.

Но большая часть времени у А. В. и Г. Н. Потаниных уходила на подготовку к экспедиции в Монголию. Вдвоем посещали они всевозможные лаборатории, изучая методы коллекционирования, искусство препарирования животных и шлифовку срезов образцов горных пород. Вместе рылись в старинных изданиях, посвященных еще мало изученной Азии и таинственному Тибету.

Чтобы иметь средства к жизни, Г. Н. Потанину приходилось, кроме того, упорно работать над составлением IV тома дополнений к «Землеведению Азии». Помогая мужу во всех его трудах, Александра Викторовна усиленно занималась и рисованием.

Вся эта интенсивная подготовительная работа к экспедиции проходила при очень стесненных материальных обстоятельствах.

Супругам Потаниным была особенно присуща черта, которая, по мнению Тимирязева, была вообще очень ха-

ракторной для умственного движения той эпохи: «Если спросят: какая была самая выдающаяся черта этого движения, — пишет он, — можно, не задумываясь, ответить одним словом — энтузиазм... Этот энтузиазм был отмечен чертою полного бескорыстия, доходившего порой до почти полного забвения личных потребностей»²². Только энтузиазмом и можно объяснить неслыханную выносливость во время путешествий такой слабой здоровьем женщины, какой была Потанина. Энтузиастом в самом полном значении этого слова был, конечно, и Григорий Николаевич. Этот замечательный человек, готовясь к первому, совместно с Александрой Викторовной, путешествию, заботился и о любых мелочах, зная, что иногда упущенная при снаряжении деталь может помешать выполнению важного задания. Перед самым отъездом, вспомнив, что никто из специалистов не проверил подбора красок в первом походном ящике путешественницы, он сейчас же написал художнику Шишкину²³:

Многоуважаемый Иван Иванович!

Будьте добры, снабдите советами Александру Викторовну, у кого (в каком магазине) лучше купить медовые краски, укажите, каких цветов ей купить и сколько нужно их; кроме красок, нужно: белил, серебра и золота в раковинах. Краски нужны для срисовывания этнографических предметов и рыб, ящериц и других животных, теряющих свой цвет по смерти. А также мож[ет] б[ыть] иногда вздумается набросать вид какой-нибудь, интересный в геологическом отношении, с ледником или т. п.

Уважающий Вас
Григорий Потанин

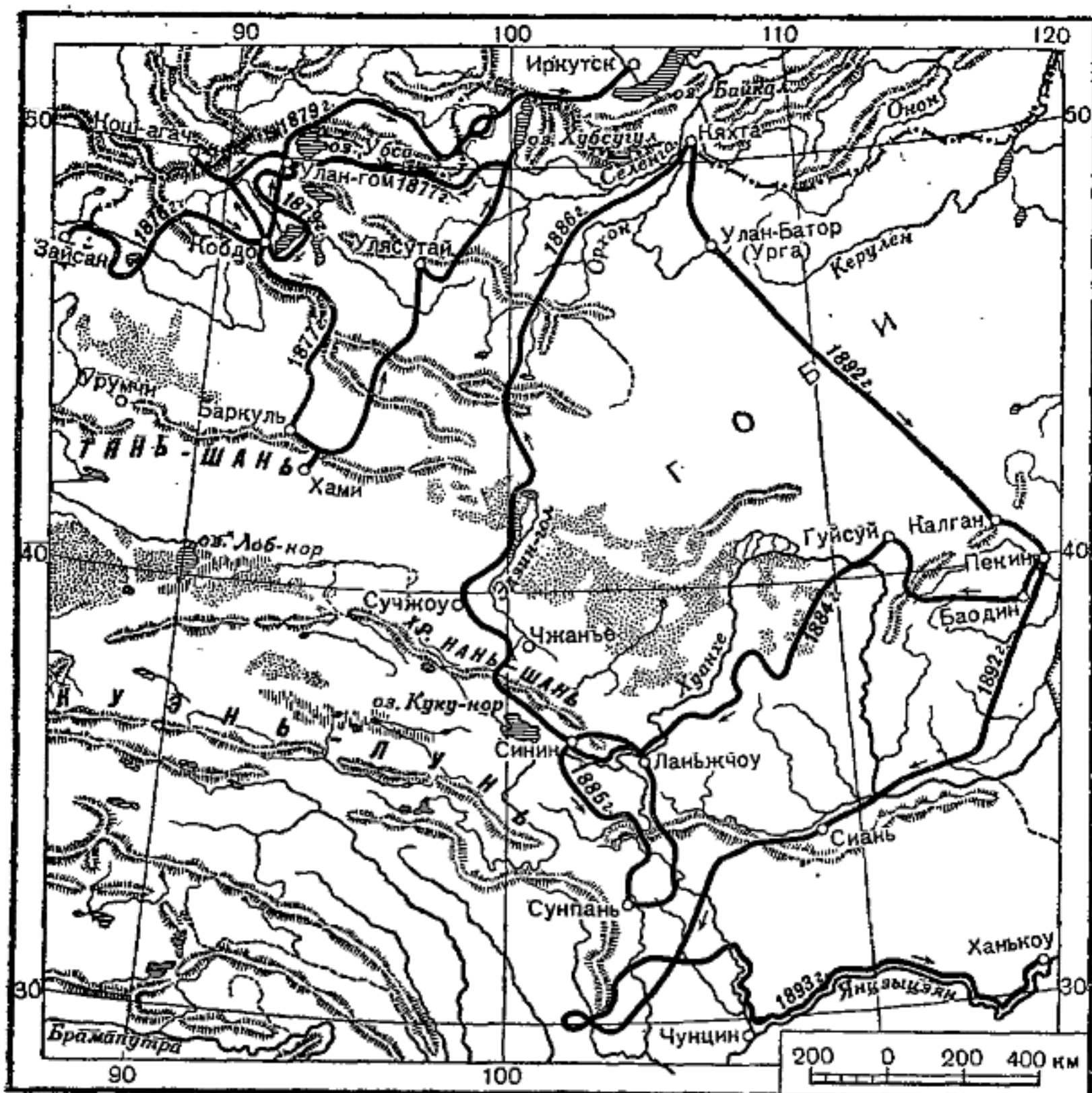
21 марта 1876 года.
Петербург.

Наконец, все приготовления были закончены.

Далеко позади остался Петербург; для Александры Викторовны начиналась новая эра в жизни — она становилась путешественницей.

Глава II

В июле 1876 г. в г. Зайсан, у подножья хребта Саур, к юго-востоку от озера Зайсан-нор, съехались участники экспедиции Потанина. Кроме Александры Викторовны, в состав экспедиции вошли топограф Рафаилов, кандидат университета Позднеев (знавший монгольский язык), студент-зоолог Березовский, чучельщик Коломнийцев и два

Маршрут путешествий А. В. Потаниной

казака для помощи в съемках. Военного конвоя, обычно сопровождавшего экспедиции, не было. Потанина, кроме основного задания — изучения природы северо-западной Монголии — очень занимал сбор этнографического материала, который бывает успешным только при условии полного доверия местного населения. Пока заканчивалось снаряжение каравана, Александра Викторовна делала зарисовки узоров, вырезанных из железа с серебряной насечкой (украшения для седел, подпруг и стремян). Эти зарисовки, а также рисунки Александры Викторовны, сделанные ею во время дальнейшего маршрута этого же путешествия (рисунки серег из окрестностей города Хами, красных суконных женских шапок из этих же местностей

и т. п.), впоследствии получили одобрение Стасова, который счел их документами «чрезвычайной, значительной важности».

Настал день выхода экспедиции. Походное снаряжение и палатки погрузили на верблюдов, путешественники сели на лошадей, и караван тронулся.

«Экспедиция в северо-западную Монголию имела целью собрать географические сведения о стране, лежащей между озерами Улюнгуром и Косоголом, с одной стороны, и между хребтами Танну-ола и Тянь-шанем, с другой», — так начинает своей дневник путешествий Г. Н. Потанин ²⁴.

Настоящее боевое крещение как путешественница Александра Викторовна получила при первом же переходе:

«Совершили первый переход в 7 верст. Дорога была ровная, прямо на восток, параллельно подошве гор Кичкине-тау; большую часть пути пришлось идти темной ночью, потому что с поста выехали поздно вечером; ночь была пасмурная, с бурей и грозой. Много приходилось переезжать арыков по полуразвалившимся деревянным мостикам. Ночью гроза утихла, и на нас напал такой комар, какого никому из нас прежде никогда не приходилось испытывать. Только что я зажег свой небольшой фонарь, как к нему тотчас же начался непрерывный лет комара, который был так густ, что ощущение кожи на лице от ударов налетающих комаров было такое, будто кто, не переставая, сыпал в лицо пеплом. На свечу, горящую вне фонаря, комары наседали в таком количестве, что вскоре тушили ее. Многие из нас почти всю ночь не спали» ²⁵.

Когда в Петербурге А. В. Потанину провожали друзья и знакомые, то многие восклицали с завистью: «Какая вы счастливица!». Действительно, казалось бы, что может быть завиднее удела первой русской женщины, отправляющейся с научной целью в неизведанную и «экзотическую» Азию, где ее, несомненно, ожидает столько замечательных впечатлений.

Первая же ночь с грозой и комарами у многих женщин отбила бы всякую охоту к такого рода впечатлениям, но Александра Викторовна, вспоминая с улыбкой тех, которые мыслят о путешествии только «по Майн-Риду или Жюль-Верну», храбро боролась с комарами до утра, а за-

тем бодро продолжала путь наравне с остальными участниками экспедиции, переходя вброд реки, подымаясь по горным тропинкам, опускаясь в глубокие, топкие лощины, переправляясь на долбленых лодках через реки, не зная устали и никогда не прося себе, как женщине, снисхождения.

За Иртышом экспедиция углубилась в Монгольский Алтай. В монастыре Шара-суме (в долине реки Кран) путешественникам пришлось искать нового проводника, так как Потанин хотел идти на Кобдо неизведанным путем, по которому не проходил ни один топограф. У стен монастыря Александра Викторовна пережила немало неприятных минут.

В своем дневнике Потанин так описывает этот эпизод, происшедший во время попытки экспедиции осмотреть монастырь Шара-суме:

«Подойдя к замку, в котором живет Цаган-геген*, мы были остановлены на мосту небольшой группой людей, которая не позволила нам пройти внутрь... Мы поехали к кумирням посмотреть на их архитектуру. Около одной из кумирен на нас набежала толпа, бросая камни, глину и тыквы; мы пустились в гору, но двое — студент Позднеев и казак Михаленков — не успели ускользнуть, были остановлены, осыпаны ударами и стащены с лошадей. Затем толпа догнала и меня с Рафаиловым; все мы были обезоружены и приведены в селение. Часов в шесть нам было объявлено, чтобы один из нас отправился в стан за паспортами, а остальные трое должны остаться под арестом.. Начался судебный процесс... Получив наши объяснения, китайский чиновник... предложил нам ехать в Кобдо по пикетной дороге долиной Урунгу и в этом случае обещал покровительство гегена и возвращение нашего оружия; в противном случае, сказал он, ваше оружие будет оставлено в Шара-суме и вы получите только ваших лошадей. Мы выбрали последнее»²⁶.

Легко можно себе представить состояние Александры Викторовны в течение двух дней ареста участников экспедиции, если принять во внимание, что о жестокости местного правителя ходили упорные слухи.

Приключение закончилось благополучно; к тому же проводников Потанин нашел поблизости от монастыря,

* Настоятель монастыря

и путешествие продолжалось неизведанной дорогой по крутым склонам Монгольского Алтая.

Для А. В. Потаниной путешествие осложнялось неудобством женского костюма. Ей пришлось изобретать себе полумужское одеяние, которое все же недостаточно предохраняло от всех превратностей пути.

У верховья реки Кран поднялись на перевал через Алтай. Подъем одолевать было трудно даже привычным путешественникам, настолько он был крут и неудобен. Высота его достигала 2 960 метров.

При северо-восточной подошве горного прохода экспедиция остановилась у озера Даин-гол. Экспедиция простояла здесь четыре дня, обмениваясь визитами с киргизским султаном Самерканом.

Под сенью снежной вершины Мус-тау * А. В. Потаниной довелось делать свои первые наблюдения над бытом неизвестных ей народностей. Султан Самеркан, в отличие от негостеприимного настоятеля монастыря Шара-суме, был очень внимателен к путешественникам — Александра Викторовна присутствовала даже на специально организованной охоте на лисиц, которых ловили прирученные беркуты (орлы) султана.

Отдохнув у гостеприимного озера, экспедиция направилась дальше. Величественные картины природы заставляли путешественницу совершенно забывать о бесконечных неудобствах пути. Для пытливого глаза художника и естествоиспытателя все казалось необычайно интересным — и стада дзеренов (антилоп), несущихся со скоростью 50—60 километров в час, и группы древних могил исчезнувших народов, и живописные стайки горных курочек на скалистых отрогах.

Недалеко от Кобдо экспедиции пришлось провести очень тяжелую ночь. «Во весь день 2 октября дул сильный северо-западный ветер, несмотря на который рябчики сильно кричали на скалах. На горах был виден буран. В ночь была сильная буря, которая не дала нам спать, потому что все время приходилось закреплять юрту и исправлять беспорядки, которые тотчас же производил ветер. Буря проносилась по ущелью с громом, так что удар можно было предвидеть; юрта наша трещала, стрелы, поддерживающие верхний круг, ломались; к этому

* Т. е. ледяная гора.

кругу был подвязан ящик, на который было положено три больших камня; снаружи юрта обхвачена арканом; со стороны ветра был привязан тяжелый верблюжий вьюк; подол войлочного намета был обложен камнями, и, несмотря на все это, ветер распахивал войлок и обнажал деревянный остов юрты, так что всю ночь провозились за этой сизифовой работой»²⁷.

После бессонной ночи караван поднялся на перевал, с которого открывался вид на широкую долину реки Буянту. Ночевать пришлось на болотистом берегу этой реки. Утром совершили последний переход к городу Кобдо.

«Кобдо расположен на реке Буянту, на равнине, окруженной горами, за которыми на восток лежит большое озеро Хара-усу... Дома в городе не соответствовали суровому климату. У них были большие окна, заклеенные бумагой вместо стекла, двери были плохо пригнаны, иногда вместо дверей висела занавеска. Комната отапливалась каном — лежанкой из глины, занимавшей половину площади; в ней жгли аргал, т. е. сухой навоз, хвост, камыш, солому, но комнату она грела слабо, ее назначением было согревать спящих на ней людей... Этот способ отопления распространен по всему Китаю. Дополнением его являлась жаровня с углем, часто дававшая угар. В китайских фанзах * такого типа... экспедиция провела зиму»²⁸.

Во время всех своих путешествий Александра Викторова никогда не сетовала на опасности дороги или подчас очень мучительные быстрые смены погоды. Она умела находить своеобразную прелесть и в ночлегах зимой под открытым небом в спальном мешке. Но с чем ей было трудно мириться — это с неизбежными спутниками азиатских путешествий того времени: с грязью и скученностью ночлегов в городах и деревнях и с докучливым любопытством местных жителей.

В юртах и китайских фанзах, ложась спать, путешественница всегда старалась лечь возле какой-нибудь щели, окошка, двери, только чтобы был приток свежего воздуха. Жесточайший ревматизм и сопутствовавшая ему сердечная болезнь, доведшие Александру Викторовну до печального конца, были в большой мере следствием постоянных простуд, которым она подвергала себя в поисках струи чистого воздуха.

* Домах.

Время с октября по март было посвящено сбору сведений о русской торговле с монголами и о жизни русского и китайского населения Кобдо. Александра Викторовна помогала мужу в этой работе, одновременно подбирая материал для задуманных ею очерков. Орнитологические коллекции экспедиции пополнились за время пребывания в Кобдо большим количеством новых видов. Интересными оказались и метеорологические наблюдения.

Единственным развлечением в городе был китайский театр. В своем очерке «Театральные представления и религиозные празднества в Китае» Потанина детально описывает свои впечатления о театре города Кобдо, а также о праздничных церемониях, на которых ей пришлось присутствовать:

«Утром, на рассвете, мы были разбужены ударами больших медных тарелок, возвещавших городским жителям о начале торжественного дня, — начинает Александра Викторовна свое описание одной из таких церемоний. — В десять часов от восточной кумирни показалась процессия. Впереди бежали мальчуганы, одетые в шутовские, длинные не по возрасту кафтаны. Мальчуганы несли знамена, на которых были нарисованы драконы. Эта веселая компания, забежавши с знаменами вперед, садилась среди улиц на корточки и поджидала остальную процессию. За знаменами шли китайцы и монголы с большими деревянными колодками на шеях, какие надеваются за преступления; ...это был добровольный подвиг умерщвления плоти. Далее следовали два китайца, одетые в маскарадный костюм зеленого цвета, с ажурными металлическими шлемами на головах. Они вели двух коней под красивыми седлами, обитыми атласом. За лошадьми шли музыканты, уже виденные нами в театре. Далее, окруженные толпой народа, двигались большие красные носилки. Спереди они были открыты, и отсюда было видно сидящего в них нарядного Чон-гуэ: Сбоку носилок, поддерживая их одной рукой, шел дряхлый кривой старик в чиновничьей шапке. Это был городской палач, как кажется, главный служитель кровавого бога Чон-гуэ. Обошедши по улицам Кобдо, процессия прошла в южную кумирню; перед входом в часовню, бурхана с его креслом сняли с носилок и поместили в главную нишу. Какой-то человек с лицом, покрытым бронзовой краской, в необыкновенном костюме и за ним

палач что-то провозгласили народу, после чего началось поклонение...

В этот день опять были театральные представления, а вечером повторялись поклонения богомольцев в кумирнях.

С четырех часов вечера началось оживление на улицах, у лавок и в воротах развешивались цветные фонари.

Народ шел в кумирню Хыжянь-э, куда утром была отнесена статуя Чон-гуэ или Эрли-хана. Перед бурханом горели или курились свечи, приходящие сожигали душистую бумагу; какой-то старик ударял время от времени в медную чашу, звуки эти, вероятно, предназначались к тому, чтобы настроить публику к набожности, и что не мешало тому же самому звонарю отпускать какие-то шутки, от которых публика раздражалась хохотом...

В сумерки появились опять носилки; мальчики снова одели свой церемониальный костюм, разобрали знамена, фонари и зонты. Палач, встав у бурхана сбоку, проговорил громким голосом какую-то речь или молитву, почему-то принятую присутствующими со смехом... Музыка заиграла, и процессия тронулась, освещаемая разноцветными фонарями. В улицу процессия вошла при оглушительном треске ракеток. В окнах лавок и в воротах зажиточных домов стояли столики с различными чашечками с едой и печениями, с горящими свечами, с курительными палочками и фонарями... Шум и веселый смех провожали шествующего бога казней и смерти»²⁹.

Весной 1877 г. экспедиция двинулась к самому восточному городу Китайского Туркестана — Хами и не по обычной дороге на Баркуль, по которой ходят все караваны, а по ближайшему направлению, мимо озера Хара-усу. Ко всем трудностям пути прибавилось тревожное ожидание нападения дунган*, которыми китайские чиновники пытались запугать путешественников.

Когда экспедиция перевалила через главную цепь Алтайн-нуру, пробираться стало еще труднее. В долине реки Барлык было очень много снега. При переходе через речку, еще не сбросившую свой ледяной покров, верблюды проваливались. Местами навалы камней и сугробы делали

* Дунгане — мусульмане, живущие в западных областях Китая, часто воювали против китайских феодалов, купцов и чиновников, отягощавших дунган барщиной и непосильными податями.

путь непроходимым — приходилось продвигаться вперед по крутым косогорам.

Впереди лежала пустыня Гоби. «Дорога медленно спускалась по «бэли» — так монголы называют широкое и ровное подножье хребтов пустыни... Нигде не видно было ни былинки. Вдоль подножья «бэли» далеко на запад и восток протянулась лощина сухого русла, за ней дорога поднялась на невысокий увал и шла по равнине, также усыпанной черной галькой, до песчаных бугров среди Гоби, где караваны обычно делают привал или ночуют без воды... Гоби представляла такую же равнину, усыпанную черной галькой. Караванная дорога тянулась желтой полоской вдоль по этой черной равнине; вблизи нее кое-где белели кости и целые скелеты животных, погибших в пути... Проходили часы, солнце уже сильно пригревало, лошади, мучимые жаждой и голодом, еле передвигали ноги, и четырех, которые не в силах были идти дальше, экспедиция вынуждена была оставить среди пустыни умирать голодной смертью»³⁰.

При переходе через Джунгарскую Гоби никто из участников экспедиции не пострадал. Неверными оказались также слухи о дунганах, якобы разоривших деревню Сантоху. Оазис Сантоху встретил измученных путешественников приветливой зеленью деревьев и пашен, расположенных вокруг долгожданных вод небольшой реки.

В деревне Сантоху Александра Викторова встретила с китаянкой Шидзей, которой посвящен один из интересных эпизодов в очерке Потаниной «О китайской женщине». Отдохнув и подкормив изголодавшихся животных, экспедиция двинулась дальше и через три перехода достигла подножья Тянь-шаня, где был расположен г. Баркуль. После непродолжительного отдыха в Баркуле караван направился дальше.

На привалах Александра Викторова большую часть своего времени употребляла на сортировку коллекций и на литературные записи. Будучи страстным любителем фольклора, в частности азиатского эпоса, Григорий Николаевич и в этой области нашел в жене талантливого помощника.

Миновав китайский пикет Нань-шань-коу, экспедиция прошла ночью 40 километров по бесплодной пустыне и на рассвете подошла к г. Хами. Караван вступил в Китайский Туркестан.

На пребывание в Хами было определено только десять дней. Краткость лета заставляла Потаниных торопиться назад в Монголию, чтобы успеть вернуться в Россию до зимы.

Александра Викторовна за это время успела сделать много зарисовок разнообразных женских украшений, поразивших ее своей красочностью.

Григорий Николаевич ограничился выполнением основного задания — сбором сведений, касающихся значения Хами как торгового центра Китайского Туркестана — все остальные задания ему пришлось отложить до следующего путешествия, которое он намечал на будущий год.

После десятидневного пребывания в городе экспедиция направилась обратно, к монгольскому городу Улясутай. Сильный восточный ветер затруднял продвижение каравана. Путешественники старательно укутывались во все теплое, что у них было с собой.

Приходилось опять пересекать Гоби, теперь уже в северном направлении. На этот раз переход прошел без потерь, так как был захвачен с собой достаточный запас воды и свеженакошенной травы для животных.

В десять переходов караван одолел путь до северного подножья Монгольского Алтая. Здесь находилась ставка монгольского князя Джасакту-хана, который оказался таким же негостеприимным, как надолго запомнившийся путникам настоятель Шара-сумского монастыря.

Он не принял путешественников, не принял даже их подарков, но благодаря указанию китайского губернатора содействовать экспедиции был принужден дать проводника в Улясутай. Осмотреть монастырь экспедиции также не удалось — не пустили под благовидным предлогом, что строительство еще не кончилось. Пришлось подчиниться и отправиться дальше. Семь переходов отделяли теперь путешественников от Улясутая.

Улясутай построен у слияния двух рек. Тунгусту-гол и Богдоин-гол. Так же, как и другие города Монголии, Улясутай разделен на три части: торговый город, слобода и военный город. По размерам занимаемой площади Улясутай был меньше торгового города Кобдо, но торговля в нем велась куда оживленнее, и в магазинах было много дорогих товаров, — монгольские князья были частыми покупателями в улясутайских магазинах.

Для ознакомления с историей города, помимо изучения флоры, фауны и особенностей геологического строения улясута́йских окрестностей, понадобилось много времени. На северо-восток от города, осе́ненный снеговой вершиной Хангая, находился высокогорный монгольский аршан * с горячими ключами. Ключи эти разделялись на питьевые и купальные — возле каждого была этикетка, с надписями по-монгольски и по-китайски. Возле купальных находились ванны — деревянные ящики, врытые в землю; когда больные принимали ванны, над ключом раскидывалась палатка. Во время посещения Потаниных двадцать пять человек под руководством ламы — «дтора» — заканчивали курс лечения, несмотря на пронзительный холод, который приходилось претерпевать больным, ночуя в палатках. Горячие ключи считались целебными почти от всех болезней.

Наблюдая из прохладной долины живописные окрестности горы Отхон-тэнгри, Потанины представляли себе ханские летние станы (летовки) прошлых веков. Воображение художника оживляло для Александры Викторовны сыроватые берега Аршани-гол и свежие луговинки скагов красочными пятнами кочевьев хунских шаньюев, тукюэзских и уйгурских ханов, и ей казалось, что вот-вот на дальнем склоне появятся, сверкая азиатской роскошью, жибитки самого Чингис-хана...

Пробыв в Улясутае двадцать один день, экспедиция двинулась к озеру Косо́гол **. После трехдневного отдыха особенно трудными показались путешественнице переходы вброд широких рек; ненастная погода усиливала тяжесть переходов (по ночам выпадал иней, разражались грозы с ливнями, часто даже шел снег). Кроме переходов через реки, каравану приходилось преодолевать тяжелые перевалы через горные цепи Хангая.

Но виды местности поражали красотой и разнообразием, и путевые альбомы А. В. Потаниной заполнялись множеством интересных зарисовок. Впервые зарисовала она во время этих переходов очертания древних керексуров ***, возвышающихся над низменностью реки Буянту.

* Монгольско-сибирское название всякого минерального источника.

** Ныне — Хубсугул.

*** Могильных насыпей.

Когда путники достигли долины реки Яматы, чарующие картины представились их глазам, усталым от суровых видов горной природы.

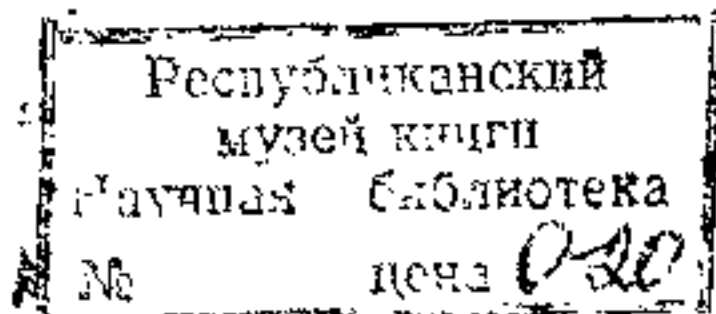
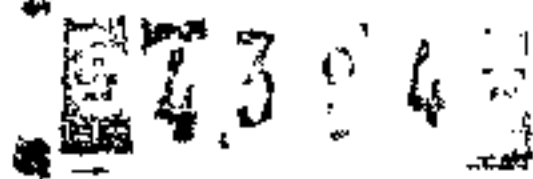
Но вот позади остались живописные долины и лесистые горные склоны. После семидневного путешествия, миновав реку Цаган-сарь, караван вступил в совсем безлюдную полосу, куда не заглядывали даже кочевники. В верховьях реки Боинту-гол караван перевалил Хангай через перевал Дурю-хангин (Турю-хангин). Подъем был очень легким из-за пологости и болотистости почвы, но спуск оказался необыкновенно коварным — весь путь был завален острым булыжником и очень круто обрывался вниз. «Это был один из самых неудобных проходов», — вспоминал впоследствии Потанин.

На тех высотах, где находилась экспедиция, лето шло заметно на убыль. До окончания маршрута оставалось посетить два пункта — озеро Косогол и монастырь Улангом. Без особых приключений путешественники достигли лежащего на пути озера Сангин-далай, которое можно было бы назвать озером птиц, — утки и лебеди почти сплошь покрывали его воды. Местность понемногу оживлялась: с гор спускались табуны лошадей, отары овец. В долине хлопотали запасливые зверьки — сеноставки, собирая на зиму стожки сена у своих норок.

В воздухе стало ощущаться приближение осени, над караваном потянулись стаи журавлей. У подошвы Бурэнхаирхана экспедицию застиг сильный снегопад. Хвоя лиственничных лесов пожелтела, ландшафт заметно менялся, становясь унылым и серым.

По реке Эг дошли до ее истока из озера Косогол. «Это озеро — самое крупное в Монголии — вытянуто на 130 километров по меридиану, при ширине до 48 километров и большой глубине. Оно расположено на высоте 1 615 метров и со всех сторон окружено высокими лесистыми горами, с которых в озеро стекает много речек. Среди озера поднимается большой скалистый остров Далай-куй с буддийским монастырем. Вода пресная. Против северного берега озера, на самой границе с Сибирью, в хребте Восточного Саяна высится вечноснеговая гряда Мунку-сардык»³¹.

А. В. Потанина в своем очерке «Из странствия по Урянхайской земле» описывает озеро Косогол во время второго своего путешествия по Монголии, когда экспеди-

ция подошла к северной части озера... «Мы увидели, наконец, озеро Косогол..., за которым поднимался величественный белок Мунку-сардык; от главного пика в обе стороны протянулись две другие, более плоские вершины. Дорога шла по террасе... по террасе росли большие деревья, снегу здесь почти не было. Терраса к северу расширялась и была версты две шириной. До северного берега доехали уже к вечеру и на ночлег поднялись вверх. Берегом озера мы ехали два дня и только 22 ноября поднялись на очень плоский перевал и долго ехали степью, где снегу почти не было; озеро осталось позади; скоро мы перестали видеть и величественный Мунку-сардык с этой высокой степи»³².

Озеро Косогол было крайним восточным пунктом маршрута. 15 сентября экспедиция повернула на запад и пошла по северной части Хангая. Становилось очень холодно даже днем. Путешественница начала сильно страдать от холода, особенно мерзли ноги. Здесь часто встречались местные жители в исключительно удобной и теплой обуви. А. В. Потанина в своем очерке описывает эти сапоги, которыми участники экспедиции во время второго путешествия заменили свою обувь: «Во время наших странствований мы пришли к мысли, что, собственно, всем путешественникам следовало бы носить туземное платье или, по крайней мере, обувь, конечно, приспособляя это платье к нашим привычкам. Во время перехода по урянхайским трющобам мы нашли, что нет ничего лучше урянхайских сапог, сделанных из шкуры с ног оленя или дикого козла. Их мелкая гладкая шерсть решительно не пропускала сырости, и ноги очень легко было вытаскивать, как бы глубоко ни приходилось брести по снегу»³³.

Путь экспедиции пролегал по очень гористой местности. Изредка встречались стойбища кочевников. Земледелие здесь было невозможно, и кочевникам приходилось в зимние месяцы очень трудно. Запасы пополнялись из подземных складов полевых мышей. Каждая нора давала около 3 шапок съедобного корня. Семьи монголов запасали себе не менее 30 кг такого корня на зиму. Потаниным также привелось пользоваться этими «бесплатными складами», когда запасы продовольствия иссякли.

Большое озеро Убса экспедиция обогнула по южному берегу. К западу от озера, на окраине гор, стоял мона-

стырь Улангом. Вся местность, носящая название Улангом, — это сплошные поля пшеницы и ячменя. Осматривая это неожиданное среди гор приволье пашен, Потанины невольно опять представили себе картину далекого прошлого, когда среди этой богатейшей монгольской житницы располагались кочевья и высились ставки известных в истории Монголии Алтын-ханов: плодороднейшая почва этих земель утверждала в мысли, что известный по китайским летописям город с полными закромами, Илан-чжеу, находился именно здесь.

«Равнина, на которой расположен монастырь Улангом, со всех сторон окружена горами, за исключением северной, где она примыкает к озеру Убса... Монастырь состоит из 30 или 40 дворов, на площади, в центре селения, возвышается большая кумирня... Кумирня крыта русским железом; потолок внутри обит русскими ситцами... большинство населения живет... в юртах..., из редкого уркэ * не торчит железная труба — нововведение, которым край обязан русской торговле. Кроме вана ** и некоторых его чиновников, население Улангома состоит исключительно из лам ***. Остальные дюрбюты **** продолжают вести кочевую жизнь и зимой откочевывают в горы... Летом, когда народ является на пашни, Улангом оживляется»³⁴.

В ту эпоху, когда жила и работала А. В. Потанина, монгольский народ находился в тройной кабале — у монастырей, у собственных князей (ванов) и у китайских купцов-ростовщиков. Плодородные земли, внезапно открывшиеся взору путешественников среди диких скал и привольных степей Монголии, все цветущие альпийские луга, мимо которых проходила экспедиция Потанина, любясь темными среди яркой зелени островками бесчисленных стад, — принадлежали монастырям и кучке феодалов.

Земледельцы с детьми и стариками, выходя на монастырские земли Улангома или на другие чужие владения, работали от зари до зари, наполняя зерном чужие закрома. Скотоводы-кочевники, перегоняя, с юных лет до глубокой старости, стада чужого скота, влачили жалкое существование.

* Дымовое отверстие в юрте.

** Ван — князь.

*** Лама — монах.

**** Западно-монгольское племя — дюрбеты, живущее в бассейне озера Убса.

Талантливые художники, скульпторы, музыканты, певцы, искуснейшие мастера разнообразных ремесел с младенческого возраста заживо погребались в монастырях Монголии, замыкаясь в мертвых канонах ламаистского культа. Крестьянские семьи, чтобы не дробить и так маломощные хозяйства, принуждены были отдавать одного из сыновей в монахи (ламы).

Тяжелый и длинный путь к свободе прошел монгольский народ.

Богатейший народный эпос Монголии, который с таким увлечением изучали Потанины, хранит в легендах, песнях и сказках имена и дела героев (батыров) монгольского народа, боровшихся за независимость своей родины.

Решающее значение в развертывании национально-освободительной борьбы монгольского народа сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция. В 1918 г. товарищ Сталин писал: «...Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая разбила вековую спячку трудовых масс угнетенных народов Востока и втянула их в борьбу с мировым империализмом» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 164).

Молодая Советская Республика послужила примером для трудящихся Монголии. С созданием народно-революционной партии под руководством вождей монгольского народа Сухэ-Батора и Чойбалсана осуществились надежды монголов на свободу.

«Своей свободой и независимостью, всеми своими достижениями в государственном, хозяйственном и культурном строительстве нашей страны монгольский народ обязан разносторонней и бескорыстной помощи великого советского народа, выдержавшей все испытания нерушимой и вечной дружбе наших народов и Вам — великому и заботливому другу и учителю монгольского народа», — писал Маршал Чойбалсан в ответ на приветствие товарища Сталина в связи с 25-летием Монгольской народной республики³⁵.

Современный путешественник, обзревая и изучая города и селения Монголии, знакомясь с новой экономикой страны, с трудом может себе представить, что только десятилетия отделяют эту страну, с быстро развивающимися хозяйством и культурой, от невежественной и поработенной Монголии времен экспедиций Пржевальского и Потанина.

Маршрут первого путешествия по Монголии был выполнен. Потанин с зоологом Березовским поехали за оставленными коллекциями в Кобдо. Александра Викторова с остальными участниками экспедиции пошла прямо в Кош-агач в Русском Алтае. В Бийске в конце 1877 г. все члены экспедиции встретились, чтобы распрощаться до новых путешествий.

В результате первого путешествия Потаниных по Северо-Западной Монголии гербарии Петербургского ботанического сада пополнились многими видами растений, собранных ими, а орнитологические коллекции 340 экземплярами птиц. Образцы горных пород, привезенные экспедицией, были немногочисленны, но представляли несомненный интерес для геологов. Энтомологические коллекции оказались не очень богатыми, так как сбор насекомых прекратился, как только экспедиция поднялась в альпийскую зону. Во время следования экспедиции проводились маршрутные съемки, составлена первая карта Северо-Западной Монголии, а также были определены географические координаты тридцати пунктов и проведено барометрическое определение ряда высот.

Первое путешествие А. В. Потаниной по Монголии продолжалось с июля 1876 г. по конец 1877 г. Свои записи о Монголии и монголах она сочла еще слишком поверхностными для опубликования и, со свойственной ей скромностью, считала, что ей нужно еще не мало попутешествовать и поработать над собой, чтобы решиться сделать свои труды общим достоянием. Такая же судьба постигла и ее своеобразный очерк «Театральные представления и религиозные празднества в Китае», написанный в зимние месяцы вынужденной оседлой жизни в Кобдо.

Оба эти очерка, дополненные впечатлениями следующего путешествия, были напечатаны позднее: «Монголия и монголы», написанные в предельно доступной форме, вышли в издании «Читальня народной школы» в 1891 г., а «Театральные представления и религиозные празднества» в 1885 г. в литературном сборнике газеты «Восточное обозрение».

1878 год для Потаниных промелькнул очень быстро. Они обрабатывали отчеты по экспедиции, а Александре Викторовне, кроме того, приходилось серьезно изучать

языки, чтобы иметь возможность заниматься переводами для заработка.

Несмотря на все эти заботы, Александра Викторовна не переставала работать над собой.

«Вообще ум Александры Викторовны, ясный, простой и реальный, носил на себе сильные следы влияния писателей 60-х гг., — пишет один из ее современников, — он никогда не оставался в бездействии, быстро и легко разбираясь в самых сложных вопросах. Она постоянно читала какие-нибудь серьезные книги, с нетерпением ждала выхода новых журналов и с удовольствием говорила о прочитанном. Спорить она не любила, но суждения ее были разносторонни, строго аргументированы и отличались оригинальностью и самобытностью. В возражениях противника она метко схватывала слабые стороны, и ее остроумные сжатые замечания бывали иногда неотразимы, ее общественные симпатии были также симпатиями людей 60-х гг.»³⁶.

Восприятие красоты в любых ее воплощениях являлось для Александры Викторовны настоящей потребностью. Природа, совершенные произведения искусства неотразимо действовали на художницу — особенное влияние оказывала на нее живопись. Любуясь портретами кисти Рембрандта, она воссоздавала в своем воображении ту историческую обстановку, в которой жили и действовали люди той эпохи. Воздавая должное иностранной живописи, Потанина по настоящему любила картины русских художников, в которых ей был дорог каждый штрих.

«У Третьякова, — пишет она, — собраны такие богатства, такие чудеса искусства... Как хороши по технике картины Верещагина, можно ли писать лучше? У него воздухом наполнены комнаты, и солнце жжет, а какой чудный лунный луч, пробившийся в тюрьму, на его восточной картине!»³⁷.

В пореформенную эпоху в царской России появилось новое поколение потребителей культурных ценностей. В библиотеках, музеях, на концертах новой музыки, на художественных выставках можно было встретить представителей различных демократических кругов.

В одном из писем петербургского периода А. В. Потанина рассказывает: «нас очень порадовало, что в Эрмитаже была масса простого народа — моряков, матро-

сов и солдат, женщин в платочках, мужиков, детей с ними. Прежде — этого, кажется, не бывало»³⁸.

«Горячая защита просвещения», по определению Ленина, была одной из отличительных черт общественного движения 60-х годов»³⁹.

Александра Викторовна Потанина всей своей жизнью и деятельностью доказала, насколько верно она хранит заветы передовых деятелей русской культуры, служа делу просвещения.

Для России тех лет был очень характерен и все возрастающий интерес к географической науке. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов и многие другие замечательные русские путешественники покрывали сеть своих маршрутов карту Азии. Начиналось широкое и всестороннее исследование сопредельных с Россией стран. Потаниным выпала честь одними из первых посетить Монголию, Тибет и Китай.

Глава III

В конце мая 1879 года караван вышел из Кош-агача, перевалил через пограничный хребет Сайлюгем и прибыл в г. Улангом на озере Убса. Из Улангома по пути в Кобдо экспедиция исследовала ряд больших озер, вернулась в Улангом, откуда направилась на север в страну урянхайцев (Тува), о которой Александра Викторовна написала одну из своих лучших географо-этнографических работ: «Из странствия по Урянхайской земле».

«Случается обыкновенно так, — начинает она свое повествование, — что благодаря заманчивым описаниям и интересным путешествиям нам делаются близкими и знакомыми разные дикие уголки Африки, Америки или Индии и остаются почти неизвестными страны, лежащие на окраинах нашей России и возле нее. Страна Урянхайская именно тем и замечательна, что составляет нашу границу на расстоянии почти тысячи верст, и между тем редкий из русских читателей знает ее хотя бы только по имени. Страна эта занимает южный склон гор Саянских, окаймляющих с юга сибирские губернии — Иркутскую и Енисейскую.

...От озера Убса мы начали подниматься в горы и в первый день поднялись лишь на карниз главного хребта... Величественная Танну-ола смотрела отсюда еще не-

приступнее; горы, казалось, стояли сплошной стеной, вершины были покрыты пятнами снега и по утрам дымились туманами. Бока гор были покрыты лиственничным лесом...

Громадная стена Танну-ола как будто манила скорее взглянуть на то, что скрывается за ней. 17 сентября мы поднялись на перевал... Перевал этот носит название у монголов Баин-танну; хребет над перевалом возвышается еще футов на триста... Нам предстоял чрезвычайно крутой и лесистый спуск. Глинистая тропинка чуть заметно извивалась по обрыву. Все спешили, лошадей перевязали по две и по три и отдали людям. Рабочие взяли верблюдов... Только что выпавший снег сделал тлину на спуске скользкой, и верблюды боялись итти. Не прошли мы и полуверсты, как один верблюд полетел с тропинки вниз; к счастью, деревья задержали его и не дали свалиться на дно оврага... Дальше по дороге также встречались задержки от большой крутизны; местами приходилось срубить деревья, чтобы верблюды с вьюками могли пройти»⁴⁰.

В тени высоких лиственниц караван отдыхал после трудного спуска с первого уступа гор. «В тот же день, — пишет путешественница, — мимо нас прошел большой караван урянхайцев, возвращавшихся со своих пашен... Лица урянхайцев были красивее монгольских, несколько татарского типа; черные живые глаза и черные же усы даже стариков делали красивыми, а между молодежью встречались настоящие красавцы. На головах у женщин были пунцовые шерстяные капюшоны вроде тех, что носят наши монахини под клобуком. По краям и вокруг лица этот головной убор был у всех вышит белыми бусами. Шубы на женщинах были длинные, овчинные, у некоторых крытые синей нанкой... Кавалькада эта, заведя наш лагерь, спешила и окружила нас»⁴¹.

После ночевки путешественники пошли вниз по речке Ар-торхолик и, добравшись до верховьев Енисея, увидели огромное обо из бревен, поставленных конусом. Внутри обо заполнено было фигурками, изображающими жертвы богам гор. Местность эта называлась в честь этого обо Модон-обо (деревянное обо) *.

* Обычное обо — это куча камней, набросанных друг на друга, часто с воткнутыми в них палками; их сооружают монголы на перевалах и вершинах гор, и каждый, поднявшись, увеличивает кучу своим камнем, принося этим жертву горному духу.

Проводники рассказали Потаниным, что эта местность священна — все окружающие тринадцать пиков гор являются жилищем тринадцати горных духов и что в этом округе живут лучшие шаманы. Действительно, до лагеря, разбитого экспедицией около Модон-обо, все время доносились отдаленные звуки бубна, обычно сопровождающего шаманские радения. По рассказам урянхайцев, недалеко от лагеря находилась юрта молодой девушки Найдын, известной здешней «утаганы» *. Потанины поехали в юрту Найдын, узнав, что там назначено камлание **.

В своем очерке Александра Викторовна подробно описывает эту церемонию: «Пляска и музыка Найдын была очень энергична. При высоком росте и стройности шаманки, при естественной грации, которой она обладала, эти пляски не переходили у нее в безобразные кривляния... Камлание в юрте было закончено камланием под открытым небом. Надо отдать справедливость Найдын, — она хорошо поняла сценический эффект этой последней сцены. Представьте себе снежную поляну под высокими деревьями; луны нет, но звезды дают достаточно свету! Против дверей юрты держали под узду белую лошадь, перед мордой которой на треножнике курился можжевельник; между конем и юртой постлан войлок, и мать шаманки сделала коню поклон и обрызгала его чем-то, затем вышла сама утагана, медленно направилась к коню и начала бить в бубен. Лошадь храпела, но не рвалась. Очевидно, она уже привыкла к этому. Затем Найдын отступила от коня, все время не переставая бить в бубен, и пошла в юрту задом, очевидно желая этим выразить почтительное отношение к коню или, может быть, к тому, кто невидимо присутствует тут, по ее представлениям...

Впоследствии нам перевели некоторые отрывки из того, что пела Найдын во время своего камлания:

«Златоглавая моя змея Амырга!
Пьющая воду из вершин рек! Шагающая по вершинам гор!
Левой рукой держусь за радугу, правой за небо!
Тело мое велико, как гора, сердце мое крепко, как кишачило
(надмогильный камень)
Шуба моя из лохмотьев, пища моя горька, как сосновая
смола» ⁴².

* Женщина-шаманка.

** Религиозный обряд шаманства.

Из Модон-обо караван Потанина пошел по долине верховья Енисея — Ха-кему. Когда по пути попадались русские заимки, путники с наслаждением отмывались в бане и, отведав давно забытого печеного хлеба и щей, отправлялись дальше.

Ранняя горная зима как будто гналась за путниками, пытаясь помешать их исследованиям.

У реки Бурен экспедиция встретила начальника здешних мест — урянхайского князя Огурда Майдаре и, заручившись у него хорошими проводниками, двинулась дальше на Анджан-хорум по горнолесистой дороге с бесчисленным множеством перевалов. Путь то преграждался обломками скал, то бурными водами, то поваленными деревьями, иногда совсем загромождавшими тропинку.

Караван медленно, но упорно продвигался вперед. Расстояние всего в 300—400 верст шло целых два месяца.

Подъем на горы Анджан-хорум был очень труден, по обледенелым дорожкам верблюды скользили. Одолев этот тяжелый подъем, путники поневоле должны были расположиться на отдых, так как три дня валил густой снег. Выбрать место для лагеря оказалось нелегко из-за крутизны горной площадки. В конце концов пришлось раскинуть палатки на покатости, так что дрова из костра съезжали к порогу палатки. Потанин с помощником, разведав дорогу, вернулся с неутешительными сведениями: сплошной лес не давал возможности каравану спуститься — пришлось посылать людей рубить лес... Когда снегопад, наконец, приостановился, экспедиция продолжала свой путь по собственноручно расчищенной дороге. Продвижение вперед было настолько замедлено, что за день удалось одолеть только около десяти верст.

«Спуск был по гребню, и у самой тропинки лежал откос, сажень в десять, совершенно открытый, без деревьев, и лишь дно ущелья было покрыто деревьями, колодами и болотами. Упасть здесь было опасно, однако к вечеру без этого не обошлось, и два верблюда свалились-таки на дно оврага; усталые люди уже не полезли за ними и оставили их на произвол судьбы до утра. В этот день я хоть и брела все время вместе с нашим караваном по глубокому снегу, ведя в поводу коня..., но к вечеру не выдержала и ушла вперед, рассчитывая, что

находившийся впереди караван Орлова * пришел на место и у них раскинута палатка. Действительно, я застала их общество за чаем»⁴³.

Следующий переход (долина реки Джибей) был ознаменован новыми трудностями: берега речки окаймлялись ледяными карнизами — заберегами **, середина же реки оставалась свободной ото льда. Участникам экспедиции приходилось прыгать с высоких карнизов прямо в воду, а затем подниматься на противоположный ледяной берег. Для верблюдов эти забереги нужно было размельчать и посыпать песком; иногда верблюдов прямо проводили по еще не замерзшим речкам, набрасывая ветки на болотистые берега, чтобы животные не увязли в грязи; все же на этом отрезке пути караван потерял двух верблюдов.

«Гибель этих верблюдов наводила на мысль, что и другие могут издохнуть, — пишет Александра Викторвна, — и в таком случае нам пришлось бы зимовать, питаясь остатками наших лошадей, из которых, впрочем, только одна (избегавшая всю дорогу ловли) была жирна, чем возбуждала аппетит у людей, которым надоели наши тощие бараны. Было решено, что при первой же нужде в продовольствии непокорный савраска будет подстрелен и пойдет на еду»⁴⁴.

К концу второго путешествия А. В. Потанина окончательно освоилась со всеми особенностями кочевой жизни. В ее описаниях самых тяжелых моментов все чаще проскальзывает легкий юмор — касается ли это жадных взглядов изголодавшихся людей, которыми они следят за упитанной лошадыо, или хозяйственной неумелости мужа.

Зима вступила в свои права. Потанины решили налегке возвращаться в Россию. Все животные и часть клади были оставлены в дархатском *** курене под надзором переводчика Палкина для экспедиции будущего года. Ночевать теперь приходилось прямо на снегу, — палатки были оставлены с караваном. Путешественники разводили костер и возле него пили чай и спали. Ехали все

* Караван топографа Орлова с переводчиком и тремя казаками-помощниками при съемках, присоединившийся к экспедиции Потанина уже в Монголии.

** Лед, образующийся у берегов рек в заморозки перед замерзанием.

*** Дархаты — омонголившаяся ветвь Урянхайского (Тувинского) народа, живущая к западу от озера Косогол.

время верхом, крупной рысью. Александра Викторовна порядком уставала, но чувство юмора и прекрасное расположение духа никогда не изменяли ей. Обычно путешественники, выезжая с рассветом, днем делали привал на снегу. «Отдохнувши час-два и удивительно как ободрившись чаем, мы снова садились на лошадей и ехали часов до 9 вечера. Тут уже доставали кошмы и подушки..., занимая места вокруг костра, но старались не ложиться на подветренной стороне, потому что искры беспрестанно падали на наши постели и прожигали наши кошмы, одеяла и шубы... Было что-то необычайно приятное в этих ночлегах под звездным небом, среди пустыни, правда, с одним только условием, если не было ветрено и не шел снег» ⁴⁵.

В середине ноября выдались особенно ненастные дни, путешественникам пришлось претерпевать и ледяной ветер и густой снегопад. Лица у всех были обморожены, одолевала сильная усталость, так как при переходах приходилось бороться с ветром, а снег залеплял глаза. Александра Викторовна держалась стойко и неизменно была бодра. В своих очерках она слегка иронически описывает всякие «чрезвычайные» путевые происшествия. Однажды, расположившись на ночлег, путники мечтали согреться пуншем, но бутылка с остатками рома оказалась привязанной к седлу горлышком вниз: «было ли это сделано нечаянно, — пишет Потанина, — или, может, ром наш не пропал даром, осталось, конечно, неизвестным, да и мало интересным, раз бутылка опустела... В эту ночь к утру, мы с мужем пробудились от каких-то жалобных криков; от испуга я вскочила, не принимая предосторожностей, бросилась было к своим сапогам, но оказалось, что они были полны снега, и я опять должна была спрятать ноги в мешок, где в это время было уже довольно снегу... Муж в это время шел на крик, который, как оказалось, раздавался из-под кошмы нашего Ивана; у него, бедного, замерзли ноги... Муж стал оттирать ему ноги снегом, затем пытался раздуть совсем погасший за ночь костер... Уряхайцев не было: они ушли, как оказалось после, собрать разбежавшихся от непогоды лошадей. Наконец, один из них явился, нашел дуплистое дерево и изнутри его добыл сухих растопок, костер запылал... Муж вытряс снег из моих сапог и положил их сушить; в своем усердии он хотел также приготовить и чай для нас. Он набил чайник

снегом и повесил над огнем, но через несколько времени слышалось падение какого-то тела и шипение; это был наш чайник — одной порции снега было слишком мало, чтобы наполнить его водой. Обогревшийся к тому времени Иван стал варить чай в кастрюле из-под супа. Скоро все мы бодро боролись с дорожными невзгодами»⁴⁶.

Ветер не прекращался, ехать приходилось по открытой местности. Надо было подняться на Олен-дабан и затем спуститься в Шишкитскую долину, открывавшую путь в Россию. Переутомленная скачкой на тряской лошади, Александра Викторовна обрадовалась появившимся на горизонте постройкам русской заимки. «Нам, давно уже не выдавшим ничего порядочного, юрта эта показалась дворцом. Действительно, верно у самого Чингисхана не было такой юрты... Радужные хозяева уговорили нас пробыть у них сутки, чему мы были очень рады... Зато на другой день я едва могла принудить себя снова сесть в седло»⁴⁷.

Добравшись, как и в первом путешествии, до озера Косогол, только с другого конца, путники отправились к северному берегу. Дорога тянулась то по берегу, то вела на перевал, то шла по степи, где, наконец, снегу почти не было. По крутой долине караван спустился в местность Мон — конечный пункт маршрута второго путешествия.

В очерке, посвященном этому путешествию, Александра Викторовна делится сведениями об условиях жизни урянхайского народа: «Урянхайцы бедны. Что еще хуже, они неравномерно бедны, между ними замечается резкая имущественная разница; есть богачи, и в то же время многие буквально ничего не имеют, живут в бревенчатых шалашах — алянчиках, покрытых древесной корой, и питаются лишь тем, что добудут на охоте или в лесу, — кореньями, орехами, лиственничной корой. Многие проживают, всю жизнь не обзаведясь семьей. Нам случалось заглядывать в алянчики таких звероловов. Часто трудно решить — жилой он или оставленный; иногда вся домашняя утварь состоит из сплитых из бересты корытец... Князья же урянхайские живут богато, их окружает многочисленная челядь, и в их сундуках скопляются дорогие уборы и безделушки из нефрита, сердолика, ляпис-лазури и других, ценимых ими камней... Их любимое времяпре-

провождение — игра в шахматы, причем проигрывают иногда целые табуны лошадей»⁴⁸.

Прошло три четверти века со времени странствий А. В. Потаниной по урянхайской земле.

Тувинский народ выбрал путь, указанный Лениным и Сталиным.

Отошли в далекое прошлое бревенчатые шалаши, покрытые древесной корой, сшитые из бересты корытца и богатые князья, с их сундуками дорогих уборов и безделушек.

Табуны крепких выносливых коней, отары овец, стада отборного скота, земли, воды, леса и недра — все это стало навечно собственностью трудящихся Тувы.

Со всех концов Советского Союза съезжались в Кызыл гости на празднование пятилетия существования Тувинской автономной области. Мимо пашен и цветущих лугов следовали они по шоссейным дорогам, через крепкие, устойчивые мосты там, где с такими лишениями и затруднениями преодолевал путь караван Потанина. И слушали они песни сегодняшней Тувы, столь не похожие на песни-стоны утаганы Найдын.

Заканчивая свой очерк о странствовании по Урянхайской земле, Потанина писала: «Мы замечаем быстрые успехи нашего сближения, мирного, естественно вырабатываемого самой жизнью на почве взаимных сношений и услуг»⁴⁹. Великая Октябрьская социалистическая революция спаяла это сближение в нерушимую дружбу братских народов.

* *
*

Закончив свое второе путешествие, Потанины отправились в Иркутск, решив продолжить экспедицию весной.

За второе путешествие по Монголии экспедиция прошла 1 800 верст, определила 6 астрономических пунктов, были сделаны карты маршрутов от Кош-агача до северного конца озера Косогол и были собраны богатые коллекции: 400 видов растений, до 1 000 экземпляров насекомых, 80 чучел птиц и 120 образцов горных пород.

Отчет по итогам обоих путешествий Потаниных по Северо-Западной Монголии занял два объемистых тома, еще два тома были заполнены этнографическими материалами — записями легенд, сказок, поверий и загадок

монгольского народа и описанием керексуров и каменных баб.

Во всех этих работах немалая доля принадлежала Александре Викторовне.

Свойственная Потаниной необыкновенная скромность не давала возможности даже самым близким друзьям выяснить, какую конкретно работу выполняла она в трудах Григория Николаевича. «...Всегда на поставленный ей вопрос в этом роде отделялась шуткой, всегда готовая признать чужие заслуги, она тщательно умалчивала о своих»⁵⁰.

Современники Александры Викторовны не раз отмечают, что ее участие в экспедициях содействовало большому разнообразию собранных Г. Н. Потаниным коллекций и преобладанию в его трудах этнографических материалов.

Проводя большую работу, Александра Викторовна не получала никакой оплаты за свой труд и не числилась в списках участников экспедиции ни под какой ученой рубрикой. Когда П. П. Семенов в отчете Географическому обществу сообщал фамилии участников первого путешествия Потанина по Монголии, он закончил его словами: «...и наконец супруги Г. Н. Потанина, деятельной его сотрудницы, сопровождавшей его, начиная с этой первой монгольской экспедиции, во всех последующих с необыкновенным мужеством и самоотвержением»⁵¹.

В. В. Стасов в своих воспоминаниях о Потаниной также отмечает эту ее необыкновенную скромность в оценке своих работ, из-за которой ему долго не удавалось посмотреть замечательные зарисовки монгольских украшений, сделанных Александрой Викторовной.

Любя страстно живопись и литературу, Александра Викторовна всю жизнь мучилась сомнениями, считая себя посредственным любителем в этих областях.

Свою же научную работу Потанина расценивала как черновую техническую помощь своему мужу.

Кроме выполнения взятых на себя обязанностей ботаника и художника, А. В. Потанина приносила большую пользу экспедициям уже одним своим присутствием. Ей удавалось разузнавать о быте, обрядах, верованиях и судьбе женщин куда больше, чем это сделал бы мужчина.

Материалы, привезенные из второго путешествия, дали возможность А. В. Потаниной закончить очерки: «Монголия и монголы», «Театральные представления и религиозные празднества в Китае» и написать новую работу: «Из странствия по Урянхайской земле».

Глава IV

Приехав в Иркутск, Потанины приняли деятельное участие в общественной жизни города. Когда один из друзей упрекнул Александру Викторовну в письме, что она слишком щедро растрчивает время на общение с людьми, она со всей присущей ей искренностью и простотой ответила: «...мне не совсем по сердцу, когда вы нападаете на людей, отнимающих время, на людей, умеющих вытягивать резинку на 5 саж., хотя я очень хохотала над этим сравнением. Мне кажется, личные отношения людей между собой не должны проходить бесследно. Отнимите их из моей жизни, и что у меня останется — все мной полученное приобретено лишь путем знакомств и все, что я могу возратить из полученного, заключается в том же «воздействии личности», говоря ученым слогом, — других способов быть полезной людям у меня нет. Вот почему я всегда рада, когда люди приходят к нам и всегда печалюсь, когда знакомства наши уменьшаются»⁵². В скромной квартирке Потаниных всегда бывалолюдно, и хотя гости никогда не заставляли хозяев праздными, никто не чувствовал себя неловко, отрывая их от серьезных занятий, настолько радушно всегда встречали Потанины гостей.

С первых же дней своего пребывания в Иркутске Александра Викторовна заинтересовалась бурятами. Изучая в течение многих лет их быт, она приобрела среди бурят немало друзей.

«...Трогательно видеть, — пишет одна современница, — как внимательно и участливо обращалась с ними Александра Викторовна, как старалась ободрить и втянуть в общий разговор, иногда у них даже устраивались чтения вслух». «Сколько лет живу в Иркутске, — сказала мне однажды г-жа Ч., — и в первый раз попала в дом, где собрались вместе — читать...»⁵³.

В первый свой приезд в Иркутск А. В. Потанина часто досадовала на то, что средняя масса иркутских жителей

живет только материальными интересами. С горечью писала она друзьям: «Знала я одно семейство, где старший сын — чиновник, а младшие еще учатся. И я все думала, что грамотность для него одно только ремесло и вся жизнь идет так, что ремесло остается в палате, а в жизни оно ничем не заявляется — этот молодой человек жил как-то помимо всех интересов, для которых нужна книга. Досуг у него летом уходил на загородные прогулки, а зимой ради развлечения играл на кларнете, болтал с домашними и никогда ничего не читал. Теперь нам часто приходится встречаться с такими чиновниками; ужасно тогда трудно найти с ними общие интересы»... ⁵⁴.

Прошли зимние месяцы. Отправиться весной в экспедицию не пришлось из-за дипломатических осложнений с Китаем. Потанин один поехал в дархатский курень, чтобы ликвидировать караван. Вернувшись в Иркутск, Григорий Николаевич вместе с Александрой Викторовной выехал в Петербург. Тяжело было иркутянам расставаться с Потаниными. Александра Викторовна и сама с большой неохотой покидала город, где так тепло и радушно была принята. «У нас точно все засыпает с отъездом Потаниных, — пишут иркутяне, — и этому поверят все, кто знает, как много значит в Сибири инициатива, энергия и активность даже одного лица, какую роль может сыграть каждая отдельная личность в создании местной истории» ⁵⁵.

Годы, проведенные Потаниными в Петербурге до их третьего путешествия, совпали со временем жесточайшей политической реакции, наступившей после казни Александра II народовольцами. Сотни людей были брошены в тюрьмы, отправлены на каторгу и в ссылку.

Но, несмотря на тяжелый гнет и преследования, росла политическая сознательность широких народных масс, продолжали развиваться литература, наука, искусство.

Об этой эпохе Горький писал: «В области искусства, в творчестве сердца русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир» ⁵⁶.

В Петербурге так же, как и в Иркутске, Александра Викторовна продолжала радушно принимать молодежь.

«К каждому из своих молодых гостей она относилась с глубоким интересом, расспрашивала, чем занимается,

что читает, как живет, приунывших ободряла советом и лаской, и сама сокрушалась, когда кто-нибудь признавался в своем бессилии, сомнениях, трудностях. Ее влияние было очень сильное, упрек ее иногда и невысказанный, но промелькнувший в глазах или в тоне, действовал больно, в ней чувствовался строгий критик, который не выносил нескромности, неправды, малодушия и лени. Ее строгое отношение к самой себе, ее непрерывная деятельность, энергия — все это и привлекало к ней и воспитывало»⁵⁷.

Сохранилось много писем и воспоминаний, где учащаяся молодежь с благодарностью и любовью говорит о Потаниной.

Глава V

В 1883 г. Н. М. Пржевальский отправился в свою четвертую экспедицию — в Тибет. Русское Географическое общество предложило Потаниным исследовать восточные окраины Тибета и соседние провинции Китая — Ганьсу и Сычуань, которых не было в маршруте Пржевальского.

Путешествие обещало быть особенно интересным — нужно было объехать чуть не вокруг света на корабле, для того чтобы попасть в китайский город Чифу, откуда начинался маршрут экспедиции. Оживленная и бодрая, несмотря на появившиеся некоторые болезненные явления, ждала Александра Викторовна дня отъезда, по своему обыкновению не теряя в праздности ни одного дня.

В августе 1883 г. из Кронштадта вышел в кругосветное плавание военный фрегат «Минин» — на борту его находились участники экспедиции Потанина. Продолжая числиться только женой, сопровождающей мужа, Александра Викторовна должна была получить особое разрешение ступить на корабль и получать довольствие наравне с прочими членами экспедиции. Выйдя из Кронштадта, «Минин» обогнул Европу и через Суэцкий канал и Индийский океан прибыл в начале марта в Батавию на Яве. Плавание проходило благополучно, только возле Гибралтара путешественникам пришлось пережить сильную бурю.

На Яве находился, готовый к отплытию в Китай, корвет «Скобелев». Участники экспедиции пересели на корвет и 1 апреля 1884 года прибыли в Чифу.

Семь месяцев прошло в плавании. Из Чифу путешественники добрались на китайском пароходе до низовьев реки Бай-хэ, в город Тяньцзин. Начав снаряжение экспедиции в Тяньцзине, Потанин закончил его только к концу мая в Пекине. Снаряжение экспедиции в чужой стране было очень нелегким делом, в особенности для такого доверчивого и совершенно непрактичного человека, каким был Григорий Николаевич. В конце концов караван был готов к отправке. Тепло распрощавшись с русским посольством в Пекине (где они останавливались), экспедиция направилась к священному центру внутреннего Китая — монастырю Утаю. Дорога шла по Великой китайской равнине, отделяющей плоскогорье северного Китая от моря.

В своих путевых заметках Александра Викторовна посвятила этому святилищу целую интересную главу: «Именем Утай называется горный хребет, который ограничивает пекинскую равнину с запада. В южной части этого хребта в одной из долин находится целое собрание буддийских монастырей, частью соединенных в одну группу, частью рассеянных по соседним ущельям. Это святое место, лежащее на юго-западе от Пекина, пользуется большой славой у буддистов как китайских, так и монгольских... Задолго до того, как мы, двигаясь по дороге из Пекина, достигли до этого места, мы уже начали чувствовать его близость. Еще где-то около города Баодина, всего в 150 верстах от Пекина, мы видели, как по дороге ... странным манером передвигался человек: он воздевал руки к небу, становился на колени, потом ложился на землю ничком, вытягивался во всю длину тела, затем подтягивал под себя колени, вставал, вновь воздевал руки и т. д. . если, действительно, этот «калика переходящий» * выдержит свой иску́с, то едва ли, двигаясь таким образом, на манер известной гусеницы-геометра, он к зиме увидит утайские святыни.

...За полверсты до группы главных монастырей долина суживается; две высокие горы образуют при входе в верхнюю часть долины узкие ворота; на левой горе, более высокой и крутой, построена кумирня; она стоит на самой вершине горы, точно рыцарский замок. Когда

* Паломник

«обогнешь последний мыс, загораживающий вид на верхнюю часть долины, открывается живописная картина. На первом плане большая китайская деревня; фигурные городские ворота с двумя кровлями, одна над другой, служат для въезда в деревню; из-за черепичных кровель ее на втором плане вздымается куполообразный холм, доверху покрытый постройками и садами, — это утайские монастыри; наконец, вокруг всего этого амфитеатром поднимаются горы, одни выше других, и сзади всех плоская гора, на которой еще видны полосы нерастаявшего с весны снега, — это Пей-тай, самая высокая гора во всем Утайском хребте. В день нашего въезда в Утай было пасмурно, и вершины самых высоких гор были закрыты облаками; но тем эффектнее выходил вид на холм с монастырями, который попал под луч, прорвавшийся сквозь густые темные облака...»⁵⁸.

В Утае экспедиции удалось устроиться даже с некоторыми удобствами — во время остального путешествия Александра Викторовна не раз вспоминала обширную комнату с большим окном и широкий кан, на котором можно было по-настоящему отдохнуть.

На этот раз экспедиция захватила с собой фотоаппарат — он был таким громоздким, что, выезжая на съемки, надо было для него брать специального мула. Александра Викторовна обыкновенно выезжала вместе с геодезистом А. И. Скасси — фотографом-любителем и, пока он занимался съемкой, делала зарисовки.

Путешественники детально осматривали многочисленные кумирни. В одной из них во время посещения Потаниных производился ремонт. В своем очерке «Утай» Александра Викторовна описывает, как изготовлялись статуи богов. «Сначала делается очень грубое деревянное изображение, составленное из плохо обделанных обрубков, так что фигура представляет ломаные линии; на сгибах членов эти обрубки соединены толстой проволокой, так что художник до начала лепки может изменить несколько положение членов. Затем эта фигура обматывается соломой для придания ей надлежащей округлости, только уже на эту шероховатую поверхность наклепывается глина, сначала смешанная с рубленой соломой, а потом чистая и более нежная. Высохшая фигура имеет вид, как будто сделана из терракоты. ...Между статуями, виденными мной в Китае и Монголии, здешние, по-моему, пред-

Александра Викторовна Потанина
(Фотография 1883 г.)

ставляют значительные произведения китайского искусства»⁶⁹.

Шесть дней провела экспедиция в Утае. Осматривая бесчисленные кумирни, наблюдая быт монахов и деревенского населения, Александра Викторовна сделала много интересных зарисовок и этнографических записей.

Дорога дальше вела через хребет Утай-шань и через края северной части провинции Шаньси к городу Гуйхуа-чен (Гуйсуй). В горах Утай-шань Потанина купила у местных жителей маленького зверька — бурундука, которого китайцы называли «кэлин». Он сопровождал экспе-

дицию до глубокой осени, и ему посвящен один из очерков путешественницы «Китайский зверек».

Однажды во время пути экспедицию застигла пыльная буря. Резкий ветер крутил столбы пыли. Ветер был настолько горячим, что обжигал лицо, песчинки слепили глаза. Укрыться было негде, медленно, с трудом продвигались всадники, пригнувшись к седлам.

В одной из лежащих на пути деревень пришлось пробыть восемь дней из-за болезни Потанина. Хозяин постоянного двора попался очень недоверчивый — ему показалось, что «заморские черти» (так называли в Китае европейцев) делают что-то предосудительное. Особенности подозрения вызывала Александра Викторовна, собиравшая по окрестностям растения, и геодезист Скасси, смотревший по ночам на луну. С большим трудом удалось уговорить хозяина не выгонять путешественников с больным начальником. Как только Потанин поправился, пошли дальше и, миновав Великую китайскую стену, граничащую с Монголией, поздно вечером 5 июля прибыли в г. Гуй-хуа-чен.

Ночью город встретил экспедицию неприветливо; долго бродили усталые путники от одного постоянного двора к другому в поисках пристанища. «Гуй-хуа-чен, по-монгольски Куку-хото (голубой город), представлял крупный торговый пункт, в котором снаряжались караваны в Джунгарию, Кобдинский округ, а также в Западную Сибирь и через который везли товары туда и обратно. Он состоял из двух городов — старого и нового; в последнем жил китайский губернатор и помещалось войско. В старом городе жили купцы»⁶⁰.

В этом «голубом городе» поражало обилие кумирен, посвященных специальным богам, например богу войны, врачей, лошадей, дождя; были кумирни в честь солнца и луны, кумирня, куда приходили больные за предсказанием, а разорившиеся — за советом. Каждый вынимал из урны табличку, а затем разыскивал смысл иероглифов в большой книге. Существовала кумирня даже в честь бога актеров, но особым почетом в городе все же пользовалась кумирня бога торговли — здесь купцы усердно молились о будущих барышах.

В этом же «голубом городе» Александру Викторовну больше всего поразила нищета и скученность в бедных кварталах. В своем очерке о китайской женщине она по-

свящает немало строк описанию безысходной нищеты основной массы китайского населения.

Подчеркивая особую любовь китайцев к детям, Потанина описывает страдания матерей, часто не имеющих возможности выкормить своих детей: «...молока у матерей, обыкновенно, много, если только мать не голодает, но в больших городах у бедняков часто, говорят, его вовсе не бывает... рядом с большой любовью к детям, в Китае существует обычай детоубийства; объясняется это, конечно, трудностью добывать пропитание, и особенно сильно развивается этот обычай в местах, густо населенных»⁶¹.

Рисуя дальше мрачные картины быта нищенствующего китайского населения, Потанина пишет о безотрадной судьбе поголовно безграмотных, физически беспомощных женщин, которых изуверский обычай бинтования ног превращает в калек, принужденных, однако, нести самую тяжелую работу наравне с мужчинами.

«У земледельцев женщины часто участвуют в полевых работах; они полют пашни в продолжение всего лета; жнут вместе с мужчинами и молотят цепями; все полевые работы, исключая последней, они производят, сидя или ползая по пашне на коленках. В бедных крестьянских хозяйствах, где не держат скота, где нет даже ослов, женщина же должна молоть хлеб на домашней мельнице; для этого она берется за привод, укрепленный в верхнем жернове, и ходит вокруг точно так же, как это делает осел или лошадь у более зажиточных»⁶².

Александра Викторовна Потанина была первым путешественником, изучавшим жизнь женщин Азии. Благодаря ее очеркам русские читатели смогли ознакомиться с безотрадной судьбой монгольских и китайских женщин той эпохи.

Теперь в свободной столице Китайской народной республики, на конференции женщин стран Азии выступают китайские женщины — министры, писательницы, партийные и общественные деятельницы.

Новую радостную жизнь строит великий китайский народ.

* * *

* * *

В «голубом городе» экспедиция задержалась свыше трех недель и 31 июля выступила на юг, к Желтой реке.

Сильный разлив реки затруднял переправу, особенно много было возни с животными, но, наконец, путешественники ступили на противоположный берег. «Как только переправились на правый берег реки, так и очутились среди роскошного луга, покрытого цветами и представлявшего богатый сбор новых растений, жуков, ящериц, ос и проч. благодати, радующей сердце коллектора-натуралиста. Луг, впрочем, был не широк, за ним сейчас же возвышались песчаные бугры, с очень крутыми осыпающимися скатами. Такой же характер контрастов, где сочная луговая растительность сейчас же сменяется голым песком, носит и весь Ордос, в той, по крайней мере, его части, где мы его проходили»⁶³.

В Ордосе Александре Викторовне удалось зарисовать редкостный подбор эмалей. «Это было целое, — писал впоследствии Стасов, — хотя и маленькое, но очень характерное собрание рисунков с изображениями эмалей на разных предметах женского убора (преимущественно убора головного) из провинции, или княжества Ордос»⁶⁴.

На берегу Желтой реки экспедиция раскинула свой лагерь.

«Если смотреть на карту Китая и следить по ней за течением Желтой реки, то мы увидим, что почти в центре карты река эта описывает букву П, — вот это пространство внутри *покоя* и носит название Ордоса; с юга, юго-востока и юго-запада его отделяет от Китая великая стена, скорее, впрочем, развалины этой стены.

Ордос в настоящее время населен монголами, ранее тут находилось государство тангутов, называемое в китайских книгах государством Ся. Ордосские монголы разделяются на семь хошунов, или княжеств, и каждое из них управляется наследственным князем из потомков Чингис-хана. Старшинство над всеми семью князьями принадлежит старшему в роде. Ему дают титул вана, что в старинных сочинениях переводили словом царь»⁶⁵.

С нетерпением ожидала Александра Викторовна встречи с джунгорским ваном, который фактически был правителем Ордоса, несмотря на то, что не был старшим в роде.

Ставку князя от лагеря экспедиции отделяло всего два небольших перехода, и хотя очень жаль было расставаться с привольем на берегу Желтой реки, но научные интересы, как всегда, взяли верх. Не дав себе времени

как следует отдохнуть, Александра Викторовна, закончив обильные и удачные сборы коллекций, в начале августа вместе со всеми участниками двинулась дальше — в ставку джунгорского вана.

В ставку были отправлены, как полагалось по этикету, визитные карточки. В ответ было получено написанное по-китайски приглашение вана. Ван встретил Потанина и геологиста очень любезно и обещал всяческое содействие.

Местность, в которой была расположена ставка, не представляла никакого интереса — вокруг расстилалась однообразная степь.

В привычных занятиях провели Потанины время до вечера следующего дня, пока с ответным визитом не прибыл сам джунгорский ван — властный старик, оказавшийся страстным коллекционером часов. Увидев фотоаппарат, он выразил желание иметь фотографии всей своей семьи. Александра Викторовна получила приглашение посетить жену вана.

Дом вана отличался от всего, виденного до сих пор экспедицией, роскошью и благоустройством; в садах при «дворце» цвели даже яблони и персиковые деревья. После постоянного полумрака юрт, палаток и заклеенных бумагой фанз китайских городов, большие застекленные окна радовали глаза путников. Комнаты были заставлены прекрасной мебелью резного черного дерева. По стенам висели оригинальные картины, выполненные из перламутра и нефрита. Недостаток художественности в этих картинах восполнялся огромным трудолюбием художников, работавших с таким неподатливым материалом, как например, нефрит. Рассматривая ценную библиотеку князя и целый арсенал часовых механизмов, наполнявших специальную комнату, Александра Викторовна ожидала встречи со старой княгиней. «Скоро меня пригласили в комнату княгини. Она была еще не старая женщина, очень богато и с большим вкусом одетая в шелковые халаты нежных цветов, волосы были причесаны по маньчжурской моде, в очень затейливый шиньон с искусственными цветами, а ноги обуты в расшитые золотом туфли на подошве, вершка в полтора высотой. Лицо у нее было некрасиво, а главное, холодно, несимпатично, манеры тоже очень чопорны...

Жизнь этого дома, насколько мне удалось наблюдать ее, дала бы прекрасный материал писателю исторических:

романов из эпохи нашей петровской реформы: с одной стороны — монгольская обстановка жизни с простотою и бесцеремонностью нравов, продолжаемая всеми домо-чадцами, с другой — новая, более утонченная культура, насильно навязанная по воле главы семейства»⁶⁶.

Лагерь экспедиции полюбили посещать вторая, молодая жена князя и его сыновья. А. В. Потанина с большой теплотой пишет о хорошенькой хрупкой женщине, от природы наделенной своеобразным умом и необыкновенным тактом в обращении с окружающими.

Касаясь в своих очерках «китайских барынь», как называет Потанина женщин привилегированных классов, она обычно не скрывает внушаемой ими антипатии. Молоденькая жена джунгорского вана была единственным исключением из всей галереи скупых и жадных «тай-тай» (жен высокопоставленных лиц), запечатленных Александрой Викторовной. «Обыкновенно все сношения с дамами в Китае меня страшно тяготили; мне всегда было ясно, что, удовлетворив своему любопытству внимательным осмотром вашей наружности, убедившись, что русские женщины не отличаются резко в этом от китайнок, осмотрев затем особенности вашего туалета, китайская барыня утрачивает всякий интерес к вашей особе. Здесь, у этой молоденькой женщины, было нечто другое: кроме простого любопытства, высказывалась любознательность, виделось человеческое участие и требовалось взамен того же»⁶⁷.

Отрицательное впечатление произвели на Александру Викторовну сыновья князя своим барством. «Держали они себя большими барами; за каждым из молодых людей ходило несколько слуг: один носил на руках маленькую собачку князя, другой — кисет с табаком и трубку, третий дождевой зонт и т. д.»⁶⁸. Четыре дня прошло во взаимных визитах и взаимном изучении, на пятый — экспедиция, пополненная конвоем джунгорского вана, тронулась дальше.

Шесть утомительных переходов по многочисленным оврагам отделяли экспедицию от следующей ставки. Только 25 августа пришли они к старшему из князей, не имевшему, однако, и доли того влияния, какое имел джунгорский князь.

Ордосский ван не принял путешественников. Чиновник, посланный им навстречу экспедиции, отвел лагерью

место на почтительном расстоянии от ставки, на том основании, что больной ван принял лекарство, которое может не подействовать из-за близости европейцев.

Участники экспедиции не стали добиваться встречи с высокомерным властителем и удовольствовались разрешением осмотреть интересную достопримечательность Ордоса — Ихэ-еджен-хора — юрту с останками Чингис-хана.

От ставки до ставки шла экспедиция по Ордосу, мимо мелких и крупных озер, по луговым площадкам. Чередовались владения князей, кое-где попадались монастыри. Местность была населена монголами и китайцами. Возле развалин города Боробалгасун пашни земледельцев заносил песок, барханы подступали к самым поселкам, заноса деревья и дома. Потанин занялся исследованием движения песков в Ордосе.

Пять дней провели путешественники в старинном городе, собирая историко-бытовой материал.

По дороге из Боробалгасуна до г. Хуа-ма-чен Потанины изучали сыпучие пески, покрывающие южный Ордос.

Дорога повернула на юг, и вдали опять заблестели воды Желтой реки. В долинах расстилались рисовые поля, сады. Многие селения состояли из пещер, вырытых в лёссе, даже постоянные дворы были сделаны в пещерах, — для этого несколько пещер соединялись вместе.

Переправившись снова через Желтую реку, путешественники углубились в горы, затем, вторично спустившись к реке, увидели г. Ланьчжоу — столицу провинции Ганьсу. Расположенный на правом берегу Желтой реки, город ограничен с юга склонами хребта Гуан-шань. К Ланьчжоу с разных сторон сходятся дороги.

Наступало время решать вопрос о зимовке. Один из работников экспедиции, старик Сантан-джимба, предложил провести зиму у него на родине в Саньчуани, в горах Нань-шаня. Сантан-джимба, много лет ходивший с экспедициями, внушал Потаниным полное доверие.

Кроме того, зимовать в Саньчуани Потанину было интересно еще и потому, что население этой местности состояло из племени широнголов, о котором Григорий Николаевич задумал писать большой труд. Таким образом вопрос о зимовке был решен.

«Здесь наша экспедиция разделилась, — пишет Потанин, — г. Скасси остался в Ланьчжоу, г. Березовский отпра-

вился на юг, где лесистые горы обещали ему обильную охоту, а мой муж и я отправились зимовать в страну оседлых монголов, в местность Саньчуань (три долины) на берегу Желтой реки, в двухстах верстах к югу от г. Ланьчжоу».

Глава VI

Со второй половины ноября 1884 г. по апрель 1885 г. Потанины жили в селении Ни-чжа, расположенном в долине Желтой реки.

Удобства зимовки оказались очень относительными: фанза просвечивала насквозь, дыры и щели приходилось затыкать от ветра соломой; и все равно в окна, оклеенные бумагой, нестерпимо дуло. День и ночь приходилось жечь возле кана жаровню, которая давала угар. Но Потанины не жалели о своем выборе — они записали много сказок, легенд, пословиц и вели регулярные метеорологические наблюдения. В начале весны Александра Викторвна пополнила гербарий редкими видами азиатской флоры, а свой дневник — новыми наблюдениями.

В Ни-чже путешественникам удалось близко ознакомиться с бытом широнголов (так в старых китайских книгах и легендах зовут саньчуанских монголов. Потанины везде сохраняют это название).

Во время зимовки в селении Ни-чжа, ежедневно сталкиваясь с семьей своих хозяев, Александра Викторвна сумела составить себе представление о нравственном облике широнголов. В ее очерке «Среди широнголов» многие строки посвящены описанию судьбы покорной и забитой крестьянки-труженицы, которой страстная любовь к земле заменяла все другие радости жизни. Повесть о широнголке Тунджи — это мастерский литературный портрет, написанный сдержанно и просто, без приторной жалостливости, столь, свойственной многим писательницам прошлого.

«Несмотря на незнание языка, несложная жизнь наших хозяев недолго оставалась для меня тайной, — пишет Потанина. — Братья имели лавочку на базаре, где торговали мелочами..., младший брат был юркий торговец.. старший брат увалень... Большую часть своего времени он проводил, греясь у очага. Жена его казалась забитой, говорила шопотом и притом всегда заговаривала со мной в такое время, когда около никого не было...

Очень скоро, впрочем, я открыла, что мрачный хозяин дома был просто глуп, а бедная Тунджи... была глуха. Оказалось, что наше поселение в доме внесло разделение в семью... Тунджи с ребяташками не пустили жить в дом младшего брата, и они, несмотря на зимнее время и холод, доходивший иногда до 20 градусов, должны были спать в конюшне, на холодных нарах, день проводили на веранде, а стряпали в нашей печке. Тунджи вставала рано, еще до свету, отец позднее; но когда он встанет и наденет на себя шубу, которою семья была одета на ночь, Чиджа, а за ней и Больджуха * начинали плакать в конюшне. Тогда, если мать бывала дома, брала младшую дочь на руки и согревала своим теплом... Хозяйство нашего хозяина разрушалось с каждым днем... Лавочку он должен был закрыть, а за долги у него увели корову с телятком и осла; оставались одни свиньи, и потому вся хозяйственная нежность Тунджи сосредоточилась на них. Она уже мечтала о будущих поросятах, а свинья начала таскать всякое плохо положенное тряпье в печку, под нашим каном, приготовляя там гнездо своим будущим детям. Но все эти мечты разлетелись» ⁶⁹ — ростовщик не только угнал всех свиней Тунджи, но и снял с ее мужа последний халат, заменявший ночью всей семье одеяло.

«Меня в этом случае удивляла та покорность судьбе, которую выказывала Тунджи... С увеличивающейся бедностью Тунджи становилась все более кроткой и смиренной..., а ее энергия в работе как будто возрастала. Дома у нее было мало дела, и она часто стала уходить на работу в люди...

С вечера, в сумерки, обыкновенно все широнголки отправляются на пашню, если она близко, или куда-нибудь на дорогу, в поле, и, наложивши там корзину земли, приносили ее домой; землю эту посыпали под ноги скоту, а также в тот угол двора, который назначался для всяких нечистот, а рано поутру женщины опять сгребали эту землю, перемешанную уже с навозом, и сваливали в кучу перед воротами. К весне, когда в день земля уже оттаивала, хозяйки по вечерам принимались разрыхлять ее. Тунджи предавалась этой работе с увлечением, всякую свободную минуту; часто даже, несмотря на свою забитость, она такой властной рукой подавала свою де-

* Дочери Тунджи.

вочку мужу... и, сказавши: «досуг ли теперь мне с ребенком сидеть», убегала за ворота пересыпать свою кучу...

Когда я выходила в это время к ней за ворота, она, не отрываясь от работы, пробовала приобщить и меня к своим интересам; она с восторгом указывала на величину кучи и, как кажется,ставляла на вид ее достоинства... она показывала мне, какую надеется вырастить пшеницу в поле... и как хорошо будет, когда впоследствии на сорном дворике она посадит капусту, а на том месте, где лежит теперь удобрение, посадит мак. Я плохо понимала Тунджи, тем не менее передо мной вставал такой симпатичный образ земледельца, забывающего о себе и о своих трудах в мечтах об урожае, что и теперь мне очень жаль, что нет у меня таланта описать вам Тунджи такою, какою я стала знать ее после этой весенней работы»⁷⁰.

Для литературных работ Александры Викторовны Потаниной зимовка в Саньчуани была особенно плодотворной; кроме обширного очерка о широнголах, в котором описаны обряды, поверья, одежда и искусство широнголов, она собрала материал еще для одной работы — «Религиозная пляска в монастыре Кадигава». Григорий Николаевич также записал много интересных легенд и сказок и среди них исторические предания о том, как вместе с Чингис-ханом в этот край пришли монголы и как, осев в этой местности, пережили на китаянках и т. д.

«С наступлением нового года... во всех окружающих Ничжу монастырях стали устраивать чамы, т. е. религиозные пляски и представления, — пишет Потанина в очерке «Религиозная пляска в монастыре Кадигава» — Старик Сантан-джимба нанял мне и себе ослов, и в обществе других широнгольцев... мы отправились из Ничжи вверх по речке... дело не обошлось без маленького приключения: мой осел вздумал перескочить арык, и я, совершенно для себя неожиданно, перескочила при этом с седла ему на шею и оттуда уже головой вниз, на землю; осел, впрочем, был настолько благовоспитан, что не сделал ни шагу дальше и смиренно дожидался, пока я встану... Дорога шла по карнизу, часто огибая овраги, размытые дождями; в таких местах едва оставалась тропинка такой ширины, чтобы ослу поставить ноги, я немного трусила, но, видя, как все вокруг меня беззаботно проходят и проезжают такими местами, я должна была

скрывать свою трусость»⁷¹. По дороге к монастырю Кадигава Александре Викторовне пришлось не раз, спешившись, взбираться на крутые вершины; из-за большого сердца ей это было не легко, но все же она внимательно изучала окрестности, отмечая отсутствие растительности и особенности лёссовой почвы. От ее внимательного взора не ускользала ни одна деталь пути; в ее памяти фиксировались и неистовые бубенчики «степных бар» (богатых монголов), желających заранее дать знать о своем проезде, и пятна снега на северных боках ущелий, и веселые ватаги широнгольской молодежи.

Но вот кавалькада широнголов вместе с Александрой Викторовной миновала последний перевал — монастырь стал виден, как на ладони. «С перевала нам было видно здание кумирни, прислоненной к западной стене города, и пеструю толпу, волнующуюся у городских ворот вне города... Под деревьями все пространство около ворот было занято привязанными к ним мулами, осликами и лошадьми, более открытое место заняли торговцы, — тут были и походные кухни; над кострами их поднимался дым и пар от котлов с горячей едой, вокруг на земле располагались закусывающие; рядом виднелись груды насыпанных на кошмы жужуб (местные фрукты, вроде финика), кучки груш..., у стены, несколько в стороне от съестного, на кошме расположились продавцы красного товара... тут виднелись и тангуты в нагольных шубах и остроконечных колпаках... за ними вереницей, часто придерживаясь одна за другую, толкались тангутские женщины, сверкая на солнце своими медными и сердоликовыми украшениями в волосах и подвесками к поясу; в костюме их преобладали яркие цвета»⁷².

Место, отведенное монастырю и селению, было очень невелико, при скоплении народа во время празднеств во всех домах, постоянных дворах и на улице теснота была невероятная. Выносить тесноту, да еще при известном уже Александре Викторовне любопытстве жителей к сиянской * женщине, было нестерпимо, и Сантан-джимба увел ее к своим родственникам за город. Они хорошо отдохнули до начала представления в загородном домике племянницы Сантан-джимбы, и только к началу плясок вернулись в город; все взоры зрителей были прикованы

* Заморской, европейской.

и арене, и на Александру Викторовну и ее спутника никто не обратил внимания; разостлав ковер на верху городской стены, Сантан-джимба очень удобно устроил свою спутницу.

Вот показались первые знаменосцы, за ними музыканты. Костюмы и знамена были выдержаны в двух тонах, черном и желтом, за музыкантами шли фигуры в разнообразных масках. Путешественница подробно описывает все эти маски, процессии монахов всех рангов и возрастов и пляски, в которых широнголы достигают большого искусства. Особого впечатления, однако, это религиозное празднество на Александру Викторовну не произвело — главным образом из-за отсутствия привычной для европейца торжественности, обычно сопровождающей всякие процессии и театральные представления. Александра Викторовна приводит такой пример нарушения иллюзии:

«Через арену между танцующими вдруг переходит какой-нибудь лама, которому захотелось понюхать табаку из табакерки музыканта; или у маскированного из-за пазухи вдруг посыпятся лакомства, только-что полученные от какого-нибудь тронутого зрителя, и маленькие *смерти** бросаются подбирать просыпанные орехи и жужубы»⁷³. В конце представления не обошлось без появления факира с проткнутыми железом щеками. Затем началось поклонение зрителей настоятелю монастыря, поклонялись главным образом женщины, усердно ваяясь в пыли; маски перешагивали через спины поклоняющихся — эта своеобразная чехарда считалась показателем религиозного усердия, так как монахи в образах богов перешагивали через человека.

В обычное время монастырь Кадигава не отличается ни многолюдием, ни богатством. Все послушники занимаются земледелием, чтобы не умереть с голоду. Наслушавшись всяких легенд и сказок о богатом прошлом захудалого монастыря, Александра Викторовна вернулась «домой».

Селение на берегу китайской реки она привыкла уже считать своим домом — в очерках из Саньчуани она часто пишет: «мы ничжинцы», «наша речка» и т. д. Эта способность быстро осваиваться в любой обстановке, а также

* Дети в масках смерти.

умение налаживать добрые отношения с людьми очень помогали Потаниной при сборе этнографических материалов.

Целые недели весело и богато справляла деревня Ничжи новый год; наделав долгов, жители роскошествовали в свой любимый праздник возрождения природы, ежегодный праздник несбывающихся надежд на начало новой, счастливой жизни.

Глава VII

Приближалась весна. Пора было распрощаться с радушной зимовкой. Из Ланьчжоу прибыл геодезист, были наняты новые работники (7 широнголов и 1 тангут), и с их помощью начал снаряжаться караван в неизведанный путь, к таинственному, манящему путешественников Тибету.

Мулов найти не удалось и пришлось мириться с лошадьми, которые в пути оказались даже удобнее мулов, благодаря своему на редкость кроткому нраву.

15 апреля Потанины направились на северо-запад, в г. Синин, чтобы получить от губернатора рекомендательные письма, без которых нельзя было проникнуть на Тибет и даже на тибетское нагорье Амдо. В своих дневниках Потанин отмечает лёссовые плато, пересеченные долинами, в которые то и дело спускались путешественники, пока дорога не вышла к большой реке Синин-гол.

По этой дороге караван направился вверх по реке, к городу. Живописные виды сменяли друг друга. Плодородная долина была густо заселена. Много встречалось по пути караванов. Весь путь до Синина продолжался девять дней. В Синине экспедиции был отведен экзаменационный дом *. Прием губернатором был назначен в городской кумирне. Палили из пушек. Улицы были запружены народом, в повозках и паланкинах прибыли мандарины, окруженные многочисленными телохранителями в затейливых костюмах, с секирами в руках. Мандарины были в черных одеяниях, на шеях сверкали ожерелья из цветных камней. Потанин с геодезистом, для внушительности также окруженные своими работниками,

* Дом, в котором проводятся испытания лиц, съезжающихся для соискания ученых степеней.

во главе с Сантан-джимбой, важно проследовали в кумирню, на специально для этого нанятых мулах. Закончив традиционную китайскую церемонию взаимных приветствий и пожеланий, участники экспедиции уселись в приготовленные для них кресла. Начался обычный в таких случаях разговор, какой почти всегда приходилось вести Потанину, когда его всячески отговаривали от намеченного маршрута, пугая разбойниками и трудностями дороги. На этот раз не помогали ссылки Потанина даже на проходившего в Тибет Пржевальского, — губернатор подчеркнул, что у Пржевальского был военный конвой. В конце концов Григорий Николаевич, со свойственной ему скромной уверенностью в правильности своих поступков, сумел убедить губернатора, что полученная им инструкция не может быть не выполнена, и губернатор обещал дать необходимые письма.

Геодезист Скасси предложил мандаринам сфотографироваться; съемка была проведена тут же, несмотря на скопление любопытных, поминутно заслонявших объектив. Любезность губернатора удвоилась, он пригласил путешественников к себе, выразив желание, чтобы фотографировалась и его жена. Потанин обрадовал губернатора сообщением, что с экспедицией следует женщина, так что не будет нарушен ни малейший пункт китайского этикета, — жену губернатора будет снимать жена начальника экспедиции. Александра Викторовна, уже давно подбиравшая материал к задуманному еще в начале путешествия очерку о китайской женщине, была очень рада побывать в доме китайского мандарина и поближе познакомиться с бытом его обитательниц.

Особо благоприятного впечатления обитательницы губернаторского дома не произвели на Александру Викторовну. Поддерживать разговор во время визитов было трудно, так как переводчиком был семидесятилетний Сантан-джимба, который, по китайскому этикету, не имел права сидеть в присутствии «тай-тай». Жалея Сантан-джимбу, Александра Викторовна очень скоро отпустила его. Визит к губернаторше превратился бы в пытку для обеих сторон, если бы при даме и ее дочке неотлучно не находилась нянька — сметливая и бойкая крестьянка, единственное существо, оставившее у Потаниной приятное воспоминание: «особенной живостью, обилием и дельностью расспросов, а также способностью понимать, или,

лучше сказать, угадывать ответы, отличалась няня, все время сопровождавшая нас. Под конец барыня утомилась ходить по саду, а воспользоваться тачкой, предназначенной для ее услуг в этом случае, ... не захотела и ушла домой, а мы доканчивали осмотр сада с девочкой и няней»⁷⁴. После того как была сфотографирована жена губернатора, Потанины, распрощавшись с хозяевами города, двинулись к Амдоскому нагорью.

Чтобы добраться до Амдоского нагорья, пришлось перевалить хребет Ла-чи-сань, в месте перевала имеющий высоту около 4 000 м над уровнем моря. За перевалом к югу весна была в полном разгаре. Спустившись, путешественники увидели все ту же Желтую реку, от которой, казалось, никуда не денешься. Дорога привела в теплый город Гуйдуй, в садах которого цвели персики, абрикосы, груши и жужубы. Населяли не только город, но и все окрестные деревни тангуты.

В Гуйдуйе экспедиции был дан настоящий конвой, состоявший из дисциплинированных тангутских милиционеров. Конвой создавал, правда, немного тревожную атмосферу в лагере своей всегдашней боевой готовностью и ночной перекличкой караульных, но все же участники экспедиции чувствовали себя увереннее, пересекая «разбойничьи» зоны пути.

По дороге к г. Боунань путникам пришлось проделать головоломный спуск в ущелье. Расположившись на ночлег, они внезапно были разбужены шумом: казалось, что совсем неподалеку произошел большой взрыв или что стреляют из пушек, но вскоре выяснилось, что это был горный обвал — обрушилась целая скала, и до самого утра осыпались глыбы. При въезде в Боунань экспедицию опять встревожил гул взрывов, но на этот раз оказалось, что это действительно пушечная пальба, которой их встречает губернатор города.

Население Боунаня смешанное: китайцы, тангуты, широнголы. Город опоясан хорошо возделанными пашнями, среди которых несет свои воды речка Уруньву. Экспедиция отдыхала только один день: впереди лежал один из основных пунктов маршрута — тибетский монастырь Лабран. Выезд путешественников из города был обставлен еще более торжественно, чем въезд, — мандарин, очевидно, был большой любитель шумовых эффектов и театральности. Все население вышло за ворота

города. Воздух трещал от ракетных выстрелов, сам мандарин под почетным зонтом проследовал с гостями до дороги к Лабрану.

Местность становилась все более живописной: на фоне горных склонов, сплошь покрытых лесами, зеленели пашни. Александра Викторовна делала наброски будущего очерка «Тибет». «Мы лично видели два больших тибетских монастыря: один в северо-восточном углу Тибета — монастырь Лабран. Стоит он в горах, высоко, где уже и хлеб не родится, и деревья не растут, но горы вокруг пологие, поросшие хорошей травой; жителей, деревень кругом не было видно далеко. И вот в таком-то пустынном и неприветном месте нашли мы монастырь, точно городок какой-нибудь, чистый, красивый, с двухэтажными каменными зданиями, с высокими храмами, на кровлях которых блестят золотые вазы с молитвами, по буддийскому обычаю, и над входами — изображения ланей и колеса; эти изображения тоже всегда золотят, и они далеко виднеются над плоскими кровлями храмов... Жили мы в этом монастыре недолго. Некоторые из нас ходили на поклонение гегену. Зала, в которой он принимал, была сверху донизу разрисована — и потолок и стены убраны всякими вазами, фонарями и этажерками. Геген сидел на троне, на семи атласных желтых подушках; на нем была желтая атласная мантия и шапка вроде короны... После земного поклона, который делали перед ним, он благословлял пришедших, прикасаясь к голове молитвенником, а некоторым повязал на шею маленькие кусочки белой материи. Кругом монастыря ограды никакой не было, только во всю длину его тянулся навес, и под этой кровлей стоял длинный ряд молитвенных мельниц. Это были огромные, чуть не саженой вышины, барабаны, вертевшиеся на своей оси. Снаружи они раскрашены, и на них написаны молитвы; внутри барабанов тоже были свитки с молитвами. Богомольцы... идут вдоль всего навеса и руками толкают каждый барабан, он вертится, и буддисты думают, что это заменяет чтение молитв, что в воздухе как будто проносятся те сотни молитв, которые заключены в барабанах. Во всем Тибете везде устраиваются такие молитвенные столбы как в монастырях, так и в частных домах. Часто мельницы эти ставятся над ручьями, чтобы их водой вертело, или над воротами домов, где ветер их вертит; наконец, малень-

кие мельницы устраивают над очагом, где сильная тяга воздуха. В руках тибетских стариков и старух также часто видишь маленькие ручные мельницы, которые они стараются вертеть безостановочно, даже и тогда, когда заняты чем-нибудь по хозяйству»⁷⁵.

Экспедиция провела в Лабране два дня. Геген был гостеприимен — содержание каравана во время пребывания в монастыре он взял на свой счет.

Все кумирни, за исключением главной, где происходило богослужение, были открыты для путешественников. Потанины изучали оригинальную архитектуру буддийских храмов и богатую их утварь, часто представлявшую собой подлинные произведения искусства. Александра Викторовна в своем очерке подробно описывает культ Будды, а также быт и нравы тибетцев. Эта работа, а также записи Потанина и Пржевальского, одновременно обследовавшего другую окраину Тибета, дали первое в то время наглядное представление об этой неизведанной стране.

21 мая путешественники отправились дальше. Караван шел по глубоким долинам, подымался на высоты, где еще выпадал снег, минуя монастыри, расположенные в живописных уголках, и города, чарующие своими окрестностями.

Перевалив через хребет Мин-шань, экспедиция спустилась в бассейн Голубой реки (Янцзы), и сразу не только резко изменился вид местности, но и архитектура построек: появились двухэтажные деревянные дома, висячие на канатах мосты через реки; дорога стала лепиться по деревянным балконам, подвешенным к скалам над рекой. Растительность принимала все более субтропический характер, появились фиговые и гранатовые деревья.

По этой дороге караван Потанина шел уже в сильно сокращенном составе. Средства экспедиции иссякали; часть каравана с лишними вещами и коллекциями была отправлена с верным Сантан-джимбой на его родину, в Саньчуань, чтобы за ними вернуться осенью, а зоолог остался в Сигучене, где в окрестностях была интересная фауна.

Когда Потанин, сдав отчет о своем втором путешествии, представил Географическому обществу план новой экспедиции, Совет общества одобрил этот план, но смог

отпустить из средств общества небольшую сумму; кроме того, часть денег дал заинтересовавшийся экспедицией член-соревнователь Географического общества В. П. Сукачев. Эти скудные средства не давали, конечно, возможности осуществить все задуманные изыскания, но и отказаться от путешествия для Потаниных было невозможно; экспедиция была организована, и экономить приходилось на всем. Снаряжение, здоровье исследователей, выработка маршрутов — все страдало от постоянной нехватки денег.

До конечного пункта маршрута этого года — монастыря Гумбум — оставался еще большой отрезок пути, который приходилось преодолевать с большими лишениями, почти без необходимых помощников (кроме Александры Викторовны в экспедиции остался только один научный работник — геодезист А. И. Скасси).

Путь пролегал по местности, богатой растительностью, и Александра Викторовна пополняла свои гербарии флорой альпийского пояса. К сожалению, просушивать растения очень мешали дожди.

Участники экспедиции сильно обносились; особенно живописен был костюм самого начальника: крестьянская курма*, широкополая шляпа и веревочные сандалии. Очень неловко себя чувствовали путешественники, когда в г. Сунпане им так же, как в Боуане, был сделан торжественный прием, с участием всего населения. На этот раз не только все улицы были запружены народом, но и крыши домов и заборы были усеяны жителями, восторженно встречавшими запыленных, оборванных путешественников. Поводов для насмешек было немало, но население было настроено необычайно благожелательно, и путники очень скоро перестали ощущать неловкость и с достоинством отвечали на приветствия.

Находясь на границе Амдоского нагорья, г. Сунпан оживлялся постоянным притоком приезжих, у которых можно было собрать ценные сведения о природе нагорья и его населении, а также о лучших дорогах для дальнейшего путешествия.

Расположенный на высоком берегу реки Минцзян, город был со всех сторон окружен монастырями. Монастыри эти располагались в живописнейших местах и пред-

* Кофта с широкими рукавами; надевается поверх халата.

ставляли большой интерес для путешественников, особенно для художницы. В Сунпане Потанины пробыли почти целый месяц (25 дней).

Были осмотрены необычайные по красоте окрестности и соседние монастыри. Добирались путники и к снежной горе Сю-шань и в прекрасную долину реки Ксернцо, с целой лестницей водопадов, блескующих на фоне снеговых пиков отдаленного Сю-шаня.

9 августа тронулись, наконец, в обратный путь на Ланьчжоу, но по новой дороге — через провинцию Сычуань. Выйдя из города, еще раз завернули к золотому озеру в долине Ксернцо. Буддисты, бывшие в экспедиции, пожелали приложиться к святыне, которая находилась в кумирне под одним из водопадов. «Интересна была пещера под водяным сводом верхнего водопада. Она начиналась низким отверстием, в которое входили согнувшись; потом нужно было спускаться в отвесную трубу, глубиной в пять метров, по трем бревнам с зарубками, и, наконец, по скользкому спуску — в расширение пещеры. Здесь, на бугре, спиной к выходу, стояли три статуи богов в половину роста человека»⁷⁶.

Сто пятьдесят километров до г. Лунаньфу экспедиция преодолела в десять переходов, — настолько трудна была дорога. Особенно опасны были висячие мосты, с которых не раз срывались вьючные лошаки в воду, доставляя Александре Викторовне большие хлопоты с просушиванием растений на стоянках.

Гербарий Потаниных обогатился огромным количеством новых растений. Александра Викторовна едва успевала укладывать найденные экземпляры растений, как ее внимание привлекали новые редкостные представители азиатской флоры. Наконец, путники достигли самого южного пункта маршрута — г. Лунаньфу, с высокой кумирней дракона на скале. Ознакомившись с немногими достопримечательностями города (гигантской молитвенной мельницей и маленькой статуей многорукого и многоголового божества), экспедиция направилась к селению Коучен, а отсюда на северо-восток, одолевая перевалы через горные цепи. Спуски и подъемы были настолько затруднены, что лошаки с большим трудом вскарабкивались по высеченным в скалах лестницам.

Торговое село Пикоу стояло на судоходной реке Хэйшуйцзянь. За селом начиналась еще более тяжелая

дорога по ущельям к городу Вэньсянь. Миновав Вэньсянь, путешественники вышли опять к реке Хэйшуйцзянь. Дорога понемногу улучшалась, но зато постепенно исчезала богатая южная растительность.

На первом же привале в маленьком городке Кье-чжоу кончилась теснота жилищ, свойственная Южному Китаю. Из этого городка экспедиция шла больше месяца к г. Ланьчжоу и пересекала по пути горные цепи Цзин-линь-шаня (восточного Куэнь-луня).

Из Ланьчжоу Потанины и геодезист отправились на зимовку в монастырь Гумбум. В очерке Александры Викторовны «Гумбум, монастырь зонкавистов» удачны характеристики монахов разных племен и описание их жизни и бытовых условий.

Религиозные процессии, праздники и пляски в Гумбуме ничем особенным не отличались от подобных же представлений в других монастырях, виденных Потаниными раньше, за исключением одного, своеобразного праздника — выставки художественных работ. «15 числа в Гумбуме был большой съезд из окрестностей и из южной Монголии; в этот день вечером, на закате солнца, бывает выставка масляных барельефов... Около главного храма стояла толпа и любовалась на огромные щиты, ярко освещенные; щиты эти состояли из черных досок, на которых очень искусно, в китайском вкусе, были вылеплены из сала или масла фигуры и рисунки. Первый щит представлял треугольник сажени в четыре высотой; центральное место занимала фигура далай-ламы, красивого молодого человека, благодушно улыбающегося;... на раме, окружающей фигуру ламы, были барельефом представлены сцены из жизни богов, вершина треугольника составлена из 18-ти медальонов;... отсюда пошли дальше... здесь был целый ряд небольших щитов, ... на одном или двух щитах мелкие фигуры двигались, приводимые в движение нехитрым механизмом, что, конечно, доставляло большое удовольствие невзыскательной публике... Каждый год в Гумбуме бывает такая выставка лепного искусства, картины каждый год меняются... До полуночи толпа ходила по Гумбуму; затем огни были погашены, щиты сняты, масло с досок соскоблили... и в несколько часов уничтожили работу целых месяцев. Верующие буддисты покупают это масло, считая его целебным!»⁷⁷.

К весне съехались участники экспедиции, и 10 апреля караван вышел из Гумбума и направился в страну Куку-нор. В городе Донкыр экспедиции пришлось опять расстаться с зоологом Березовским, на имя которого неожиданно прибыли деньги от того же В. П. Сукачева, предназначавшего их на продление пребывания зоолога в Тибете еще на год. Потанину пришлось лишиться одного из своих ценнейших работников, а Березовскому, не повидав синих вод таинственного озера Куку-нор, возвратиться снова на Амдоское нагорье, чтобы еще год пополнять коллекции тибетской фауны.

Лазоревое озеро — Куку-нор — сколько в этих словах крылось обаяния для каждого путешественника по Азии!

В самые ранние годы своего увлечения географией Потанин дал себе слово добраться до недоступного озера, увидеть которое мечтали многие путешественники.

Как большей частью случается, ожидания превзошли действительность: озеро не произвело никакого впечатления на Потаниных, — возможно, в этом было виновато неудачное время года: грязноватая ледяная пелена еще окутывала синее зеркало, и даже восторженно воспетая китайскими географами роскошная зеленая рама его казалась выцветшей, удручая проплешинами снеговых пятен на гребнях гор. Такие разочарования супруги Потанины переносили гораздо болезненнее, чем превращающуюся в лохмотья одежду на своих плечах и частое недоедание в пути.

Переходное время года препятствовало сбору растений, и Потанины, не задерживаясь у разочаровавшего их озера, направились дальше.

От озера Куку-нор поднялись по реке Харын-гол и, пересекши в ее вершинах путь Пржевальского 1872 г., перевалили в долину реки Да-тун-гол, значительно выше города Юнаньчена и выше перевала, по которому прошел Пржевальский.

Перевалы достигали более 4 000 метров высоты. Сильный холодный ветер, поднимавший снежные вихри, затруднял продвижение, температура падала иногда до девяти градусов мороза. При сильном ветре переносить такой холод и подъемы было очень тяжело, особенно Александре Викторовне с ее начинавшимся ревматизмом и сердечным недомоганием. В долине реки Эдзин-гол ко

всем неудобствам пути прибавились холодные ванны, которые путникам приходилось поневоле принимать, переходя вброд глубокие реки.

Закупленные в Гумбуме верблюды оказались очень нестойкими, они сильно замедляли путешествие, и, наконец, стало ясно, что из Нань-шаня экспедиции на верблюдах выбраться не удастся. Потанин направил одного из сопровождавших караван китайских переводчиков закупить у кочевников яков для перевозки грузов. Перевьючив грузы на яков, караван стал более успешно одолевать перевалы целого ряда цепей северного хребта, но и этот род транспорта имел свои неудобства. Яки не любили идти гуськом, а старались сбиваться в кучу — в это время ящики с коллекциями стучались, а иногда падали и разбивались. Александре Викторовне приходилось немало возиться с упаковкой разбитой коллекции, большей частью успевавшей намокнуть, так как аварии случались преимущественно в болотистых местах.

Запасы продуктов экспедиции почти совсем истощились. Осталось только несколько баранов. Приходилось за помощью обращаться к полевым мышам, опустошая их «склады».

Недалеко от города Лиюань путешественников встретили местные жители с продовольствием — до Лиюаня дошли слухи, что путники голодают. Радужно встретили их и в самом городе. Отбытие экспедиции было отпраздновано пусканием петард и церемонией коленопреклонения, выполненной местной милицией.

Из Лиюани караван вышел, снова имея под выюками верблюдов. Яков и их проводников пришлось отпустить: они стоили слишком дорого.

Верблюд — «корабль пустыни» в этой экспедиции не оправдал себя, — в Гумбуме Потанину продали никудышных животных.

Дальнейший путь лежал по оазисам провинции Ганьсу, мимо трех крупных городов: Ланьчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу. Из-за верблюдов, чтобы дать им отдых, пришлось простоять в небольшой деревушке оазиса Ганьчжоу девятнадцать дней. По маршруту надо было идти на ставку торгоутского князя в низовья реки Эдзин-гол. Отчаявшись поправить заморенных животных, Потанин нанял у китайцев телеги и загрузил их имуществом экспедиции.

Приближалась уже знакомая путникам Гоби. Стали попадаться юрты кочевников-торгоутов. Растительность становилась все более скудной, даже прозрачные воды Эдзин-гола, докатившись до этих подступов пустыни, помутнели и обмелели, раздробясь на мелкие рукава и с трудом питая своей влагой узкие прибрежные полосы рощиц разнолистного тополя, джигды и ивы.

Только 20 июля достигли путники княжеской ставки. Начался обмен любезностями и, что было самым главным для экспедиции, обмен верблюдов, который длился пятнадцать мучительных дней. За это время путешественники очень страдали от комаров. Из-за комариного засилья даже животных из ставки угоняли далеко в степь. Экспедиция тоже перенесла свой лагерь как можно дальше от реки, в степь, но это мало помогло. Вечером, окутанный дымом окуриваний, лагерь походил на пожарище. Страдать приходилось также от жары — в тени было 38° Ц. Даже ночи не приносили прохлады. Но и в таких условиях Потанины продолжали интенсивно работать. Именно здесь Григорий Николаевич отметил приблизительное местонахождение засыпанного древнего города Хара-хото, который позднее открыла экспедиция путешественника П. К. Козлова. У Александры Викторовны здесь состоялась встреча с торгоутским ваном и его семьей, давшая ей возможность закончить один из своих интересных очерков «Встреча с двумя ванами».

А. В. Потанину поразили нищенский образ жизни торгоутов. Даже многочисленные слуги князя, голодные и оборванные, просили подаяния.

Предстоял огромный безводный переход через Гоби. На рассвете двинулись в путь. Шли до полуночи. Когда совсем стемнело, поднялась пыльная буря, но благодаря луне дорогу можно было различать, и караван продолжал свой путь. После полуночи луны не стало. Неожиданно выраставшие на дороге холмы скрывали путешественников друг от друга. Безмолвие Гоби то и дело нарушалось голосами перекликавшихся участников экспедиции. Наконец, решено было остановиться, не отыскивая особого места для лагеря. Когда усталые путники утром проснулись, оказалось, что они лежали в долине, между холмами. Кругом все также расстилалась бесплодная пустыня. Пришлось, не напоив животных, двинуться

далее. Наконец, в три часа дня, в верховье старого русла реки путники заметили ручеек. Пустыня кончилась. Переход через Гоби занял 34 часа.

Расстаться со свежей зеленью приручейковой полянки было не так легко и животным и людям. Отдыхали три дня. В последний день стоянки природа наградила Потаниных как бы прощальным подарком. Разразилась сильная гроза, и по горным руслам потекли мутные потоки — исследователи смогли воочию наблюдать, как создается пьедестал пустынных гор благодаря выносам ила, песка и гальки, которые захватываются водами на своем пути.

Когда караван пересек цепи Гобийского Алтая, перемежающегося бесплодными языками Гоби, открылись живописные пастбища отрогов Хангая, и без особых приключений путешественники, спустя два месяца, пришли в пограничный русский городок Кяхту.

Результатами третьего путешествия Потаниных, длившегося 2 года 6 месяцев были: обширные зоологические и ботанические коллекции, метеорологический дневник, огромный этнографический материал и съемка маршрута в 5700 верст, опирающаяся на 62 астрономических пункта. В этом же путешествии Потанины делали наблюдения над отложениями лёсса, широко распространенного в Китае к югу от пустыни Гоби. Особенно интересным было исследование ущелья, где базальтовая лава залегала на протяжении 10 верст.

Глава VIII

Доложив в Петербурге на заседании Русского Географического общества об общих итогах путешествия, Г. Н. Потанин решает вернуться в Иркутск.

Для Александры Викторовны Сибирь давно уже стала второй родиной, и она с нетерпением ждала возможности вновь очутиться в привычном и любимом кругу сибирской молодежи.

Десятилетия разделяли двух замечательных русских женщин, в жизни которых Иркутск сыграл важную роль. В Иркутске под влиянием декабристок формировался нравственный облик мужественной патриотки Екатерины Невельской, и в Иркутске же жила и работала в годы своего творческого расцвета А. В. Потанина, показавшая женской молодежи путь в науку. Но Сибирь,

Иркутск были, конечно, не только средоточием свободной мысли. Из Сибири шло золото, пушнина, поэтому бешеная жажда наживы, чудовищная эксплуатация рабочих на приисках, вымирание «инородцев» и мещанское благополучие невежественных обывателей — вот что характеризовало второй лик этой «российской окраины». Много сил на борьбу за преобразование края положили не только коренные сибиряки, но и ссыльные из самых отдаленных мест России.

Потанин принял предложенное ему место правителя дел Восточносибирского отдела Географического общества. До него здесь работали талантливые молодые ученые — политические ссыльные А. Л. Чекановский, И. Д. Черский, В. Годлевский и Б. И. Дыбовский.

Пути А. В. Потаниной только случайно не скрестились с путями еще одной незаурядной русской женщины, почти вся жизнь которой прошла в Иркутске Марфа Павловна Черская, верная спутница и помощница талантливого ученого И. Д. Черского, выехала с мужем в Петербург перед самым приездом Потаниных в Иркутск. Григорий Николаевич хорошо знал Черского в омский период своей жизни. Молодой ссыльный, посвятивший себя научным изысканиям, очень заинтересовал Потанина, и он помогал Черскому в его самоотверженной учебе.

В лице Марфы Павловны Черской в малочисленную, в те времена, семью женщин-путешественниц, вошла представительница нового сословия — крестьянства. Природная талантливость и самоотверженная любовь к мужу этой женщины-самородка помогли ей овладеть знаниями и стать незаменимой помощницей Черского во всех его трудах.

В связи с отъездом многих ссыльных, работа в Географическом обществе несколько замерла, но Потанины со свойственными им умением и энергией взялись за дело, и вскоре отдел стал процветать. Им удалось добиться перевода издания газеты «Восточное обозрение» из Петербурга в Иркутск. Александра Викторовна вела в газете иностранный отдел и журнальное обозрение. В музее Географического общества Потанин устроил имевшую огромный успех выставку принадлежностей буддийского культа.

Много времени посвящала Александра Викторовна изучению быта бурят, высоко расценивая нравственные

качества и художественную одаренность этих коренных жителей Сибири. Написанный ею этнографический очерк «Буряты» был удостоен золотой медали Русского Географического общества и, по отзывам современников, был лучшим среди изданных до этого трудов, посвященных быту «малых народностей» тогдашней России.

Стремясь заинтересовать общественное мнение, Александра Викторовна и свое лучшее литературно-художественное произведение посвящает судьбе бурятского мальчика. В основу рассказа «Дорджи» взята биография одного из немногих в то время ученых бурят — Дорджи Банзарова, чей научный труд «Черная вера, или шаманство у монголов» вышел еще в сороковых годах и был переиздан под редакцией Г. Н. Потанина в 1891 г.

В те времена, когда почти не существовало национальной литературы у так называемых «инородцев», работа Потаниной имела прежде всего большое общественное значение. Но заслуженный успех этого, и по сей день не утратившего своей свежести, произведения обусловлен и его несомненно высоким литературным уровнем.

С большой простотой и любовью описывает Потанина переживания маленького бурята, всей душой тянувшегося к образованию и побеждавшего стоящие на пути препятствия.

В ее очерке о бурятах перед читателем оживает быт бурят — первых земледельцев, быстро осваивавших незнакомые им способы обработки земли, бурят — мастеров всевозможных ремесел, по собственным рисункам чеканящих украшения из серебра и меди и покрывающих затейливыми узорами свою мебель и домашнюю утварь. Весь очерк о бурятах как бы окантован стройной линией пейзажей, которые так мастерски умела набрасывать Александра Викторовна. «Ущелья с их речками и широким, но хорошо орошенным лугом обыкновенно представляют очень красивые места. Чтобы увеличить покос, буряты, обыкновенно, проводят речку и каналы и таким образом орошают возможно большее пространство. Вследствие орошения, их луга во все лето имеют самый цветущий, яркозеленый вид, и на них не перестают цвести травы до конца лета. И вот, когда стоишь при входе в ущелье, перед глазами как будто картина, все части которой расположены искусным художником: внизу яркая полоса луга, справа и слева — бока ущелья, одетые сос-

новым лесом, и даль, замыкающаяся синеватыми, дымчатыми вершинами перевала; на дне ущелья бурливая речка, пробирающаяся по камням среди березовых и ольховых деревьев и ветел, и гигантские стволы стройных елей и ярких лиственниц, идущих вдоль подошвы гор и выделяющихся своими красивыми вершинами на более мрачной зелени сосен»⁷⁸.

* *

*

В Иркутске вокруг Потаниных образовался, как и в первый их приезд, кружок лучших представителей интеллигенции города, в первую очередь, сибирской молодежи. Одна из юных почитательниц Потаниных, делясь своими воспоминаниями, писала: «С Потаниными я познакомилась еще в Иркутске, после их возвращения из третьей экспедиции. Многие из местной интеллигенции знали их уже ранее и возбуждали любопытство нашей молодежи рассказами об их деятельности, энергии, высоких нравственных качествах, подвижничестве во имя науки и любви к людям. В особенности нас интересовала Александра Викторовна — первая появившаяся в Иркутске женщина, не только образованная, но и занимавшаяся учеными трудами. Встретили их очень торжественно...

Александра Викторовна с тихой ласковой улыбкой бродила среди молодежи и внимательно приглядывалась ко всему. Этот привет общества имел в себе столько провинциальной доброты и радушия, что даже такие застенчивые люди как Потанины не смутились»⁷⁹.

Почти ежедневно стало собираться у Потаниных большое общество, отнимая у этих радушных людей драгоценное время, необходимое для научных занятий, но Потанины сами после ряда лет, проведенных на чужбине, тянулись к общению с близкими им по духу людьми, зато работа по отчетам экспедиции из-за этого медленно продвигалась вперед.

Петербургские друзья опять настойчиво уговаривали Потаниных оставить провинцию. «Жизнью в Иркутске я продолжаю быть очень довольна, — отвечает одному из таких друзей Александра Викторовна. — Она идет очень оживленно. Григорий Николаевич весь погружен в дела отдела, время его все разорвано на кусочки благодаря разным визитам и хлопотам то с лекторами, то с членами, то с председателем, то с музеем. Знакомых и даже друзей

у нас здесь не мало... театр мне совсем не нужен, я, благодаря сплетням и наклонности к психологическому анализу, постоянно создаю себе, отчасти в собственном воображении, очень интересные романы, драмы, комедии и т. д. всевозможных видов и вкусов. Здесь я постигла больше, чем когда-нибудь, поэзию сплетен»⁸⁰. В этих несколько шутливых строках своего письма раскрывает Александра Викторовна то неисчерпаемое богатство своего душевного мира, которое всегда подсказывало ей мудрый выход из любых неблагоприятных обстоятельств жизни.

Трезвый ум Потаниной уберегал ее и от наивного идеализма. Она прекрасно разбиралась, например, в подоплеке всякой филантропии и «богоугодных» дел, даже принимая сама участие в «помощи бедным»... «На-днях я намерена поступить, — пишет она, — в общество дам, заведующих здесь мастерской для швей, которое здесь основывается; дело заводится в обширных размерах, заказы поступают тысячные. В благотворительном обществе мужской персонал, кажется, без исключения делающие карьеру...

Дамы, кажется, более искренно желают делать доброе дело. Впрочем, я со всеми с ними не знакома: это все люди, принадлежащие к обществу, а мы не принадлежим к нему и... должны пользоваться в значительной мере презрением их, как получающие всего 600 рублей»⁸¹.

Проводя лето у Байкальского озера в бурятской семье своих друзей, А. В. Потанина посвятила летние месяцы подготовке новых работ и зарисовкам костюмов и украшений бурятского народа. Не забывала Александра Викторовна и своей прежней специальности — педагогики.

Она нежно любила детей и с удовольствием отдавала свое время на занятия с ними. В бурятской семье Потанина горячо привязалась к своим маленьким ученикам. В одном из писем к друзьям из Забайкалья она подробно описывает характеры и способности своих учеников, с особой теплотой отзываясь о самом маленьком: «Есть еще маленький мышонок, который долбит русскую азбуку, ничего не понимая по-русски, однако как-то ухитрился выучиться читать: с ним мы пробуем уроки письма, заставляя его писать монгольские слова»⁸².

Любовь к детям часто скрашивала для Потаниной ненавистную ей сутолоку городских и деревенских стоя-

нок во время путешествий. «А я, когда трактирная и уличная суeta доведет меня чуть не до тоски, — писала из Китая Александра Викторовна, — часто успокаиваюсь, слыша голоса играющих детей, а их в Китае ужасно много, в каждом доме всегда есть несколько. Думаю, где есть дети, все еще можно жить»⁸³.

Большим событием для Иркутска был публичный доклад Александры Викторовны о бурятах. Впервые на иркутскую кафедру взошла женщина-ученый. «Она очень волновалась читая, но волновались не меньше мы, учительницы и гимназистки, чувствуя, что мы словно присутствуем при уравнивании человеческих прав женщины»⁸⁴.

Постоянно вращаясь среди ссыльных и помогая им, Александра Викторовна насмотрелась на несправедливость, тупость и произвол царского судопроизводства, особенно поражавшего своим невежеством и высокомерием по отношению к национальным меньшинствам. Рассказ-быль «Ахмет» Александра Викторовна посвятила трагической судьбе старика-кавказца, которого с ранней юности мытарили за давно искупленный проступок только потому, что никому не было дела внимательно вникнуть в жалобы плохо говорящего по-русски нищего старика.

Благодаря энергии Григория Николаевича и под его редакцией регулярно выходили пять раз в год «Известия Восточносибирского отдела Географического общества» и был открыт впервые ряд секций по изучению этнографии народов Сибири.

Григорий Николаевич, осознав, что у него никогда нехватит силы воли, живя в Иркутске, отгородиться от участия в жизни края, стал склоняться к тому, чтобы переехать в Петербург и там как можно быстрее закончить отчет. Потанин решился покинуть Иркутск только тогда, когда твердо убедился, что налаженная им работа находится в надежных руках. Для того, чтобы Григорий Николаевич мог спокойно работать над отчетом, Александра Викторовна согласилась на переезд.

Осенью 1890 г. Потанины переехали в Петербург, оставив по себе в Сибири надолго добрую память.

Прибыв в Петербург, Григорий Николаевич немедленно засел за отчет, а Александра Викторовна — за

литературную работу. Материальное положение Потаниных продолжало оставаться очень стесненным, а здоровье Александры Викторовны не улучшалось, несмотря на систематическое лечение, но весь год в Петербурге прошел, как обычно, в напряженном труде и в постоянном общении с людьми. Александра Викторовна не только никогда не выказывала усталости или недовольства, но все так же была счастлива своей судьбой. Чтобы не мешать мужу в его работе, пришлось назначить приемный день, так как друзей и знакомых в Петербурге оказалось не меньше, чем в Иркутске.

По воскресеньям в маленьком одноэтажном, совсем не столичного типа, домике бывало очень оживленно. «О чем не говорилось на ее вечерах? Факты текущей жизни, газетные известия, журнальные новости — все подвергалось обсуждению, пересыпалось остротами, шутками, смехом. Не было никакой принужденности, никакого стеснения. Александра Викторовна внимательно следила за всем со своей задушевной милой улыбкой, и ее глаза светились ясным кротким светом; не участвуя в одном каком-нибудь разговоре, она обыкновенно слышала все и всюду вставляла свои удачные, меткие, а иногда и очень ядовитые замечания»⁸⁵. Ровно через год после приезда в Петербург, в 1891 г., Потанин закончил свой двухтомный отчет о последнем путешествии. Началась подготовка к новой экспедиции в Китай и Восточный Тибет. Врачи не советовали Александре Викторовне отправляться в путь, который сулил опять массу трудностей и лишений, но она ни на секунду не могла себе представить, что Григорию Николаевичу придется ехать одному. Вставал вопрос вообще об отмене экспедиции, но это было бы таким ударом для Потанина, который Александра Викторовна не решалась нанести мужу. Скрывая от Григория Николаевича ухудшение состояния своего здоровья, она выехала вместе с ним в свое последнее путешествие.

Задачей экспедиции было — полнее изучить восточную окраину Тибета и китайскую провинцию Сычуань. Экспедиция началась в Кяхте осенью 1892 г. (в ее составе попрежнему были супруги Потанины и зоолог Березовский, в качестве переводчика монгольского языка ехал друг Потанина бурят Б. П. Рабданов, коллекто-

ром — Кашкарев); в этой экспедиции должен был позже присоединиться геолог В. А. Обручев *.

На этот раз Потанин решил с максимальной быстротой следовать по местам, изученным в предыдущих путешествиях, и экономить таким образом время. Увы! автомобилей и самолетов еще не было, и пришлось мириться с китайскими «перекладными». Решившись на такой способ передвижения, Григорий Николаевич не учел болезненного состояния жены; вернее, не представлял себе всей мучительности скачки в простых тележках по сквернейшим дорогам Китая. Вот что писала Александра Викторовна о путешествии из Кяхты в Пекин.

«Пишу из Урги **. Дорога в китайской телеге, где приходится сидеть задом к лошадям и где иногда ноги приходится выше головы, измучила нас совсем, хотя мы ехали в общей сложности из Кяхты только 36 часов и ночевали 3 ночи. С ужасом думаю, что придется в этих телегах сделать 1500 верст до следующей остановки. Сожалею, что едем не на быках, тогда по крайней мере не трясло бы. Едем вскачь; два всадника тащут нашу повозку за оглобли, другие два поддерживают за веревки, кругом мчится еще человек 10 верховых, все это кричит, скачет, предупреждает об опасности криком: «Нельзя, нельзя, не пойдет!» Лошади иногда пугаются и выскакивают из оглоблей» ⁸⁶. Так вскачь неслась экспедиция до Пекина.

Здоровье Александры Викторовны заметно ухудшилось, появилось серьезное сердечное расстройство, и посольский врач в Пекине категорически запретил продолжать путешествие. Волевая натура Александры Викторовны никак не хотела склониться перед таким, как ей казалось, маловажным обстоятельством, как болезнь. «Мешать мужу в его работе — разве в этом мое призвание?», — не раз восклицала Александра Викторовна, и, несмотря на все предупреждения, решила продолжать путь.

В предыдущих путешествиях европейские костюмы участников экспедиции вызывали любопытство населения. На этот раз, облачившись в китайские одежды и

* См. В. А. Обручев. От Кяхты до Кульджи. М., 1940.

** Ныне — Улан-Батор, столица Монгольской Народной Республики.

передвигаясь в крытых повозках, они надеялись не привлекать праздного внимания. Путь от Пекина до столицы провинции Шаньси описывать Потанин не собирался, так как уже имелись описания этих мест, сделанные топографами.

Превратившись просто в пассажирку, вдобавок самого неудобного на свете транспорта, Александра Викторовна особенно страдала от всех лишений, которые не заглушевывались на этот раз интересной работой. Грязь и пыль, скрежет колес крытой повозки с каждым днем ухудшали развивавшуюся болезнь.

«...от Пекина мы ехали одетые по-зимнему и в днях на ночлегах ужасно мерзли — мерзнешь на улице, а в комнате, где нет ни солнца, ни печи — вдвое. Эта невозможность хотя на минуту погреться ужасно как-то затрудняет и лишает энергии... очень трудно по утрам было вставать, а вставали часа в 3—4 и дожидались, пока накормят и снарядят мулов и согреют кипятком. Часов в 11 останавливались кормить мулов и ели лапшу на воде, редко что-нибудь другое. Через час снова ехали до вечера. Таким образом доехали до Желтой реки; по реке шла шуга и перевоз прекратился; пришлось жить на берегу в маленькой деревушке, где не было даже порядочного постоянного двора; жили в каком-то амбаре без окон, дверь приходилось держать постоянно открытою, углей тоже не было, пришлось жечь какие-то старые доски или солому, прямо на полу. Мы прожили тут 5 дней и страшно скучали»⁸⁷. Переезд до Сианьфу занял месяц.

В дальнейший путь отправились на носилках; этот способ передвижения, не уберегая от опасностей часто совершенно немыслимой дороги, не доставлял хотя бы постоянных физических страданий.

В своем очерке «1100 верст на носилках» А. В. Потанина дает картину путешествия до города Чентуфу и описывает город Сианьфу, произведший на путешественников тяжелое впечатление количеством нищих: «поразило нас также обилие нищих в Сианьфу — и каких нищих! Это, обыкновенно, почти совсем голые с испитыми лицами, с длинными космами волос; одни бродят, другие уже лежат на мостовой, на иных, вместо тряпья цыновка, другой прикрывается рваным мешком... Много также и более приличных нищих, которые ходят и собирают всякий отброс в корзины». Желая ознакомить читателя с контрастами, свойственными тогдашней жизни китайского

народа, Потанина вслед за описанием городских нищих переходит к наблюдениям жизни китайской знати: «...между ними был один юный, но важный чиновник, приехавший из Пекина — к нему все приезжали в носилках отдавать визиты, и на дворе постоянно стояли хорошенькая каретка и верховой полицейский, сопровождавший его при поездках»⁸⁸.

Проведя в Сианьфу четыре дня, путешественники двинулись дальше.

Из окошка носилок Александра Викторовна делала карандашные наброски пейзажей, предаваясь внимательному созерцанию природы, встречных караванов, наблюдая местных жителей и тяжелый труд носильщиков. «Носильщики идут скоро, вероятно не менее 6 верст в час, часто беглым шагом, никогда не сбиваясь с ноги и ни на минуту ни за чем не останавливаясь. Почти каждую минуту они переключивали шест с одного плеча на другое и делали это по команде: всю дороту мы слышали протяжные возгласы: панг-гоо, и вслед за тем перемена плеча и отрывистое цу-ба или чэ (иди или неси) или что-нибудь в этом роде. После часа такой непрерывной ходьбы носильщики останавливались, спускали носилки на землю и садились отдыхать»⁸⁹. Поздняя осень незаметно перешла в зиму, и картины оголенной природы наводили тоску: «Летом, когда поля и деревья покрываются зеленью, картина, вероятно, много выигрывает, зимой же все это окрашено однообразно в серые цвета. Китайцы как будто понимают этот недостаток, оттого у них такая любовь к ярким краскам, оттого они любят всякие флаги, резьбу и проч... После пяти дней пути по равнине, мы вышли в горы, стали подниматься вверх по ущелью, и дорога почти все время шла по карнизу, часто даже выстроенному в скале. ...Еще счастье наше было, что первые дни горной дороги нам приходилось делать в хорошую погоду, и мы только досадовали на каменную мостовую... но, когда начались дожди и грязь, мы поняли, что без камня наши носильщики и мулы не в состоянии были бы удержаться на глине в крутых и узких местах тропинок... Очень часто было так страшно смотреть вниз, когда носилки несли почти над бездной, и не раз мне случалось обращаться с просьбой, чтобы носильщики пустили меня идти пешком, но они были неумолимы... по опыту зная, что там, где им труд-

Но, мне уже совсем не пройти. Страшно было особенно в то время, когда на узкой тропинке... встречались вьючные мулы; тут всегда являлось опасение, что мул каким-нибудь неосторожным движением столкнет носилки в ущелье или даже в речку, бурлившую внизу. Часто и проводники опасались, что мулы, испугавшись носилок, бросятся в обрыв. Эти невзгоды горных тропинок забывались благодаря тому, что дорога все время была очень живописна»⁹⁰, — и Александра Викторовна, со свойственной ей наблюдательностью и восприимчивостью к красотам природы, описывает чудесные виды горного лабиринта хребта Цун-лин и широту полей долины реки Хань.

Один из тяжелых подъемов на последнем, самом трудном перевале, ведущем к реке, Потанины решили сделать пешком. Зигзагообразная лестница, выложенная каменными плитами, вела на перевал. Для больной сердцем Александры Викторовны этот подъем, несомненно, был очень вреден, но ее радовало сознание, что она хоть немного облегчила труд носильщиков, у которых из-за их профессии нет постоянного жилища, нет семьи, у которых от перенапряжения пухнут усталые ноги.

«Здесь почти весь товар и всех людей несут люди, писала Потанина родным, чаю несут огромные пачки, также материю, рис... Если бы не эта тяжелая работа людей, местами картины природы походили бы на рай»⁹¹.

Добравшись до долины реки Хань, носильщики, решив отдохнуть, достали лодки. Наблюдать природу с лодок было очень удобно. Берега для исследователей были интересны своими ясно разграниченными слоями почвы, видными с воды, как в разрезе. «Незадолго до города Гуаньюань... нам открылось очень оригинальное зрелище. Вся береговая скала сверху донизу разделена пещерами и нишами, в которых стояли статуи богов; были между ними большие в несколько сажен, были и маленькие, одни сидели; по буддийскому обычаю, другие изображались стоя... Монастырь этот называется «Тысяча Будд»⁹².

Но вот и конечный пункт плавания. «Город Гуаньюань, должно быть, очень старинный, — пишет Потанина. — В нем толстые крепкие стены и башни... Мостовые здесь везде — на улицах, на дворах, в конюшнях и комнатах... даже дальше города большая дорога сплошь вымощена...

Из Гуаньюаня мы выступили 15 февраля. Было тепло; на пашнях попадались цветущие бобы; капуста и редька были уже роскошны, а народ целыми семьями, с ребятами всех возрастов, работал на пашнях; пшеница была уже в четверть высоты, но вся остальная природа, нетронутая рукой человека, казалось, еще не просыпалась. Это производило странное впечатление»⁹³.

Мерное покачивание носилок слегка укачивало. Несмотря на красоту некоторых пейзажей, скукой веяло от сонных картин природы, и путешественники воспрянули духом, спустившись, наконец, в Чентуфуйскую равнину. Здесь приятно радовало глаз обилие воды, «лишь оазисами выдаются деревеньки, осененные рощами бамбука, как будто гигантские страусовые перья опушают берега озер, или на холмах густые рощи туйи скрывают красивые дома кумирен... Чем ближе мы подходили к Чентуфу, тем гуще было население. Последний день перед городом деревни, почти не прерываясь, шли по обе стороны дороги»⁹⁴.

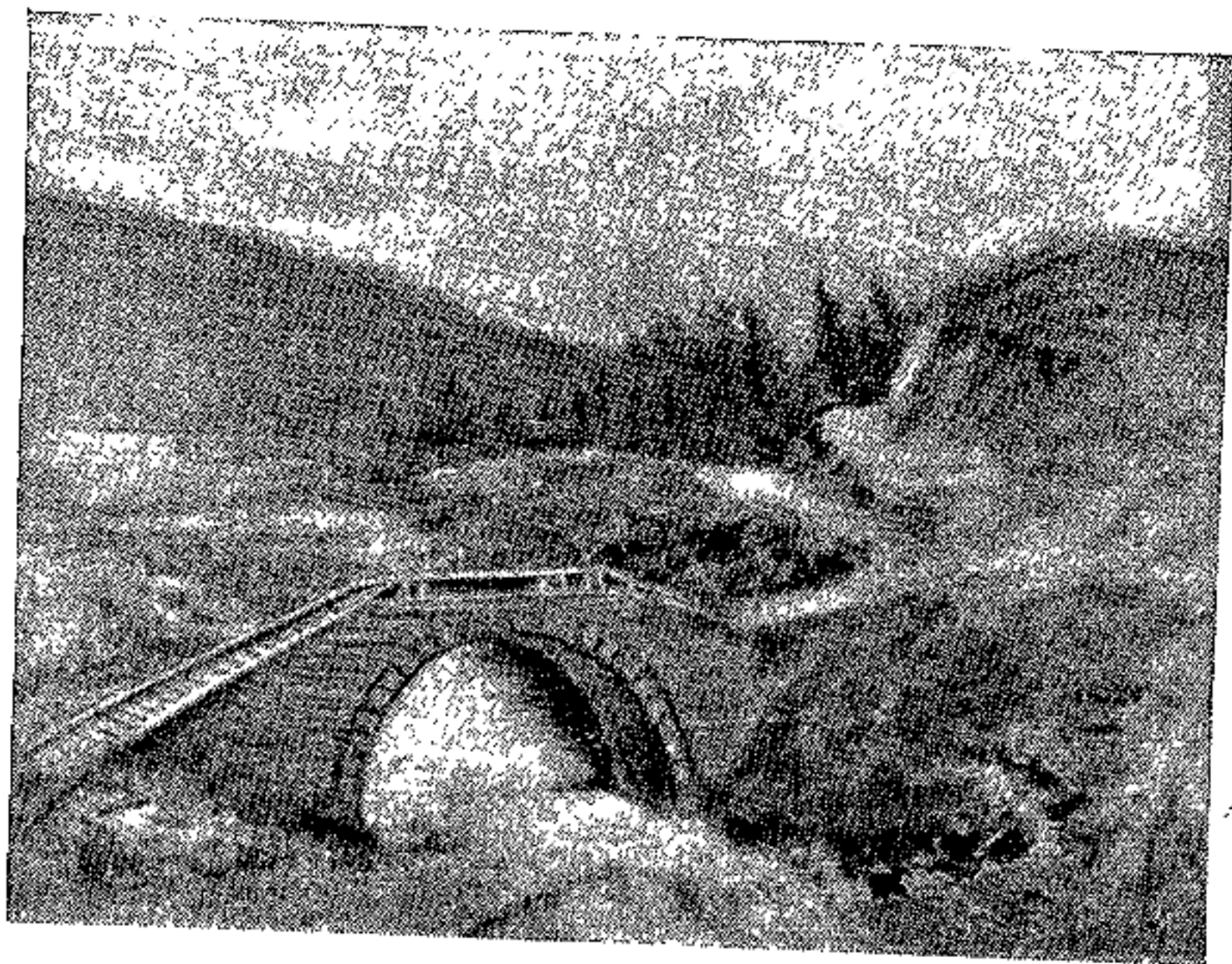
Две недели пробыла экспедиция в Чентуфу. За это время Александра Викторовна закончила свой очерк «100 верст в носилках», который помечен: «Чентуфу, 2 марта 1893 г.». Из Чентуфу путники направились в г. Ячжоу. В письме к родным Александра Викторовна описывает этот отрезок пути: «Здесь горы были суровее и пустынее, не так населены, как те, которые мы проезжали перед Чентуфу. Перевалы были: один в 9 020 ф., другой в 9 300 ф., а это уже довольно чувствительная высота для таких людей, как я, и Григорий Николаевич побаивался за меня, однако ничего, на первый перевал я довольно много шла пешком, так же как и на второй; но напоследок не могла взобраться до вершины, задохнулась. Зато спустилась с крутизны пешком с помощью человека, взятого мною от носилок. Шла обыкновенно так: шагов десять сделаю, да опять сажусь; и то едва поднималась, а носильщикам в эту пору приходилось еще тащить тяжесть... В субботу на Пасхе мы делали ужасно длинный переход... носильщики торопились, и действительно, едва успели добраться до ночлега до сумерек, а дорога самая головоломная. Вы бы не поверили, что это называется большой дорогой, это сплошь навороченные ряды камней, иногда целые большие глыбы, иногда помельче и больше засыпанные землей. Но все-

таки мы всегда предпочитали идти где-нибудь возле этой большой дороги, если только была малейшая к тому возможность, но беда в том, что чаще всего возможности этой не было, и приходилось ломать ноги именно по камням. Местами, впрочем, тропинки встречались и мягкие, но тогда они почти всегда так узки и так осыпаются, что это были, обыкновенно, самые страшные места дороги. Можете себе представить, когда по одну сторону тропинки глубокая пропасть, а сверху скала, и ваши носилки наклоняются в одну сторону, чтобы они могли пройти»⁹⁵.

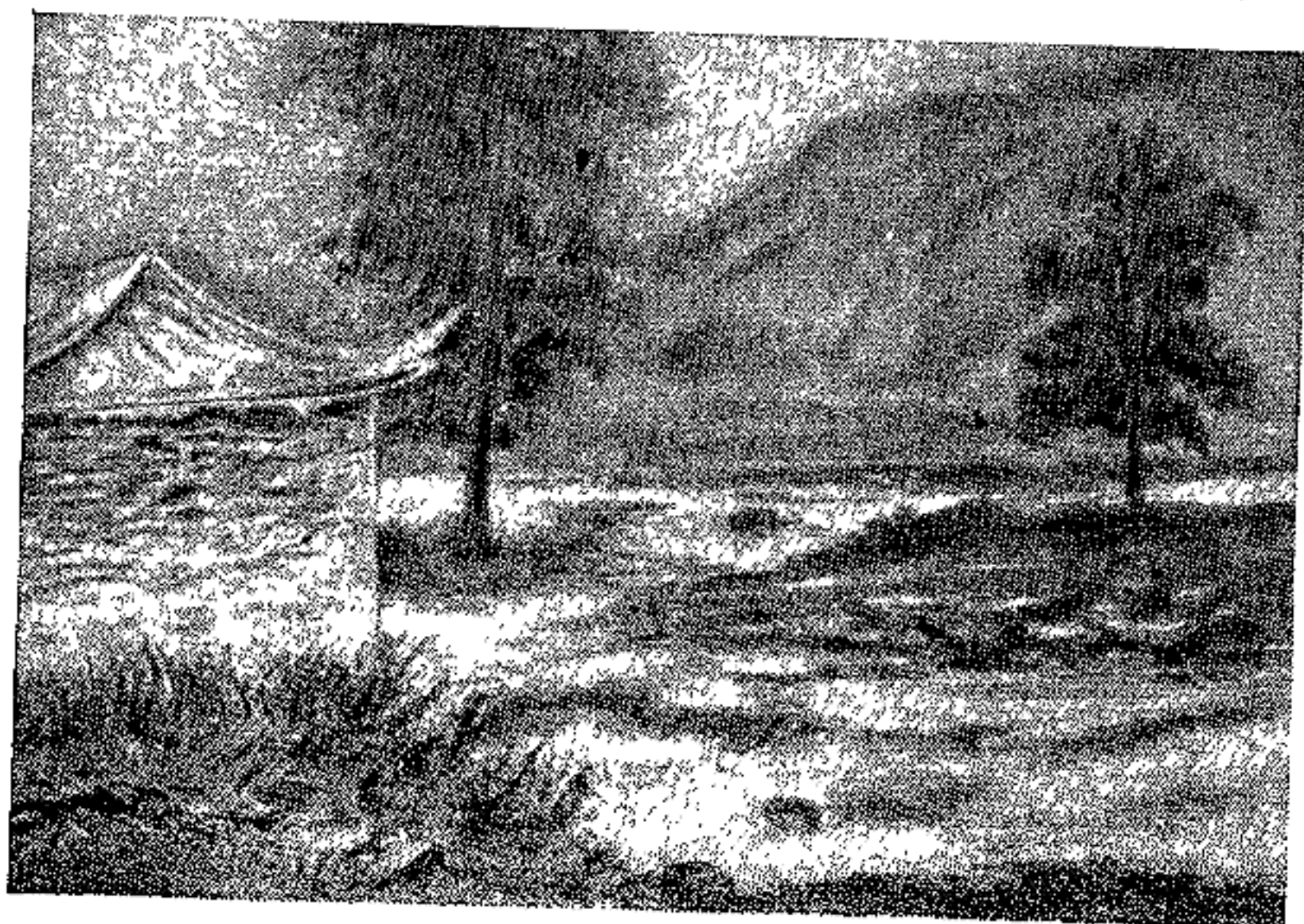
Так как Александра Викторовна чувствовала себя плохо, Потанин без нее вдвоем с бурятом Рабдановым отправился осматривать гору О-мей-шань. Она почиталась буддистами священной из-за наблюдаемого здесь оригинального явления природы: восходящее из-за облаков солнце иногда сопровождается ложными солнцами, принимаемыми верующими за явление самого Будды. В своем дневнике Потанин отметил, что ни одна буддийская святыня не произвела на него такого впечатления, как гора О-мей-шань с ее кумирнями, посвященными главным образом культу женского божества, богине Гуань-инь.

С трудом добралась Александра Викторовна до Торсандо. Дом, в котором поселились Потанины, не отвечал требованиям даже и здоровых людей: — «дом деревянный, двухэтажный, маленький, весь ходенем ходит, — описывает Потанина свое жилище, — щели везде, постройка из тонких дощечек. Мы и ватой затыкали, и бумагой заклеивали щели, и одеялами стены около кровати занавешивали, а все ветер дует, но здесь везде уж такие постройки»⁹⁶.

8 мая Александру Викторовну постиг первый удар. В своем дневнике она пишет: «В девятом часу вечера я испытала какой-то болезненный припадок. До этого чувствовала себя хорошо, часов в семь обедала, затем вышла из своей комнаты к чаю и выпила одну чашку; потом стала наливать себе и Григорию Николаевичу еще по чашке; ему налила и только-что снова взялась за чайник, как что-то случилось; я упала локтями на стол и почувствовала, что лежу всею тяжестью, так что являлась мысль, что стол подломится; затем, помню, видела,

Каменный мост близ Торсандо
Работа А. В. Потаниной (масло)

Вид на реку, протекающую через г. Торсандо
Работе А. В. Потаниной (масло)

что Григорий Николаевич держал меня за плечи и спрашивал: «Что с тобой?» Ответить ему я не могла»⁹⁷.

Запись в дневнике протокольно описывает все ощущения Александры Викторовны от начала припадка до следующего утра, когда больной показалось, что она опять совсем здорова. По записям в дневнике и по письмам видно, какие нравственные мучения переживала Александра Викторовна из-за своего вынужденного бездействия, из-за того, что она «повисла камнем на всей экспедиции». Она не уставала уговаривать Григория Николаевича продолжать путь одному, а на обратном пути захватить ее. Но, напуганный ее состоянием, Потанин и слышать не хотел о разлуке. В Тибет был отправлен сотрудник Кашкаров.

Когда Александре Викторовне становилось немного лучше, Потанин совершал небольшие поездки в окрестности, посетил монастырь и владение тибетского князя, находившееся в той же долине. Александра Викторовна поправлялась очень медленно, но, как только смогла вставать, занялась рисованием. С террасы дома открывался вид на реку, протекающую через город Торсандо. Она запечатлела этот пейзаж масляными красками.

Григорий Николаевич приносил ей цветы из окрестностей Торсандо, и она упражняла кисть передачей на плотно нежнейшей гаммы красок, которыми так пленяют взор китайские цветы.

Немного оправившись, Александра Викторовна сейчас же принялась за свои наблюдения и исследования, усилием воли отгоняя мрачные мысли; ее письма этого периода необычайно показательны, — они кладут последние штрихи на портрет этой истинной подвижницы науки: «Понемногу стала вставать, но ноги еще до сих пор болят. Двигаться как будто могу, но с роздыхами, то сядешь, а то и ляжешь. Главная задача, как быть дальше... Пока не буду и писать об этом. Торсандо — это город наполовину тангутский, наполовину китайский и очень бойкое место, потому что почти единственный пункт, через который можно попадать в Лхассу... Народ тангуты — энергичный, женщины делают все наравне с мужчинами»⁹⁸. Уговорив себя и окружающих, что она совсем выздоровела, Александра Викторовна настояла, чтобы маршрут продолжался, но переход в Лифанфу подкосил силы отважной путешественницы — она окон-

чительно слегла. Стало ясно, что нужно возвращаться в Россию как можно скорее. Растерявшийся Потанин то предпринимал переход на лодках (Лифанфу — Мяньчжоу), то решал везти больную сухим путем, опасаясь приступов лихорадки. Чувствуя приближение конца, Александра Викторовна торопила своих спутников — ей хотелось успеть добраться до родной земли... По дороге в Шанхай ее постиг второй удар — отнялся язык, парализовались руки и ноги. Докторов вокруг не было. Возможно, если бы в экспедиции был врач, то больную удалось бы спасти или, во всяком случае, отдалить печальный исход.

Григорий Николаевич попытался довести умирающую жену до г. Баонинфу, где, по слухам, был врач. Везти пришлось опять в лодке, несмотря на сильный пароксизм лихорадки. В Баонинфу врача не оказалось. Силы больной падали с каждой минутой. Оставаться на месте было бессмысленно, Потанин решил ехать в г. Чунцынфу, находящийся на расстоянии восьми дней плавания (в Чунцынфу помещался госпиталь). За два дня до прибытия в Чунцынфу, 19 сентября 1893 г., безмолвно протившись с мужем, Александра Викторовна скончалась.

Последний путь А. В. Потаниной был очень длинен — по китайским рекам до г. Ханькоу, затем через Пекин и Калган в Кяхту — Григорий Николаевич захотел предать тело жены родной земле.

Памятник на могиле самоотверженной подвижницы науки пожелали соорудить на свои средства жители г. Кяхты.

Так закончился жизненный путь Александры Викторовны Потаниной.

Память о нерушимой дружбе энтузиастов науки увековечена на высотах Монгольского Алтая, где нетронутой белизной сияют ледники, носящие имя Александры и Григория Потаниных.

Воспоминания о А. В. ПОТАНИНОЙ

С Александрой Викторовной Потаниной я познакомился в Иркутске в 1889 г. на заседании Восточносибирского отдела Географического общества в здании музея, в котором один большой зал был отведен для библиотеки и общих собраний. Во время перерыва Григорий Николаевич Потанин, бывший правителем дел отдела, познакомил меня со своей женой, которая разговаривала с председателем отдела энтомологом Яковлевым и очень картинно описывала ему каких-то крылатых насекомых, которых она собирала во время последней экспедиции на окраине Восточного Тибета на вечнозеленых растениях. Она была худощавая, роста выше среднего, в простом сером платье без всяких украшений, в виде бантиков, брошек, колец. Меня поразила ее высокий певучий голос и подстриженные волосы на светлой, гладко причесанной голове. Но ближе познакомиться с ней тогда не пришлось. Потанины вскоре уехали в Петербург, потому что в Иркутске, где Григорий Николаевич надеялся спокойно описать свое большое путешествие по Центральной Азии 1883—1886 гг., ему слишком мешали постоянные посетители, и за два года он успел написать только треть тома. К Григорию Николаевичу приходили не только как к правителю дел отдела, но и как к видному сибирскому культурному деятелю. Поэтому в его маленькой квартирке собирались почти ежедневно местные и приезжие и заводили длинные разговоры по разным вопросам.

В декабре 1892 г. Потанины остановились на месяц с лишним, перед последней экспедицией на восточную окраину Тибета, в здании русского посольства в г. Пекине,

а я приехал туда же как член той же экспедиции. Но мы жили в разных зданиях и встречались изредка, во время прогулки по саду или у посланника, потому что Александра Викторовна большей частью лежала, отдыхая от трудного перехода через Монголию. Этот переезд оказался очень утомительным для ее слабого здоровья, так как они проехали от Кяхты до Калгана около 1 500 верст на сменных лошадях в течение десяти дней по почтовому тракту в очень тряском экипаже — тяжелой двухколесной монгольской повозке без рессор, которую везли рысью несколько всадников, не считаясь с качеством дороги. Хотя дороги в Монголии вообще мягкие, но отдельные камни, кочки, ямы и песчаные холмы встречаются часто, а монголы везли быстро, не считаясь с мелкими неровностями, и повозку, конечно, трясло и качало. В этом примитивном экипаже Потанины ехали вдвоем, полулежа на подушках, с ногами, несколько приподнятыми во время езды. Хотя в экипаже было окошечко с правой стороны, но небольшое и ближе к ногам, так что в него мало-что было видно, тем более, что оно от дыхания людей почти всегда было запотевшее. В общем езда была очень беспокойная. Повозку везли несколько верховых мужчин и женщин, часто сменявшие друг друга; во время езды они разговаривали, перекликались, смеялись, следовательно, не давали пассажирам вздремнуть даже на ровных участках; при сильных толчках можно было удариться головой о крышу повозки. На остановках, для смены лошадей и всадников отдыхать было некогда из-за расспросов и разговоров со станционными чиновниками, и только ночью удавалось отдохнуть в юрте или в той же повозке, также после длинных разговоров и угощений на станции.

Эта дорога сильно утомила Александру Викторовну, а тряска отразилась на состоянии ее сердца; в Пекине доктор посольства уложил ее на несколько дней в постель и очень советовал остаться в Пекине хотя бы до весны для полного отдыха. Но она не хотела оставлять Григория Николаевича и надеялась, что дальше дорога будет уже более спокойная. Это оправдалось, но не вполне. От Пекина до Сианьфу ехали в китайских телегах шагом, дороги были пыльные или грязные, но мягкие, и в телегах можно было спать. Зато остановки на постоянных дворах были беспокойные; ночлеги на горячем кане, т. е. лежанке, в душной комнате, куда доносились разговоры и крики

со двора, не давали полного отдыха. Далее же до границ Тибета Александра Викторовна поехала уже в носилках, которые несли люди по горным дорогам с длинными подъемами и спусками, Александра Викторовна переживала беспокойные минуты, когда ее несли вдоль самого края пропасти, куда она могла упасть при неосторожном шаге одного из носильщиков. Здесь ночлеги были еще хуже, постоянные дворы очень тесные и грязные, и часто приходилось спать в комнате вместе с носильщиками и другими прохожими на общем кане под разговоры, споры и смех. И на место длительного пребывания экспедиции на границе Тибета Александра Викторовна приехала уже совсем больная: у нее начались сердечные припадки.

В конце 1893 г. я должен был притти к окраине Тибета, чтобы повидаться с экспедицией и довести свои исследования до этого пункта. Я немного запоздал и шел туда уже в январе-феврале 1894 г., но в г. Хой-сяне получил короткую записку Григория Николаевича. В ней я прочитал печальное известие: «Я потерял свою жену и оставил Китай. Не ищите меня в Сычуане. I.XI 1893. Тянь-цзин».

Приходится признать, что Александра Викторовна в самом начале этого путешествия переоценила свои силы и состояние здоровья, а Григорий Николаевич поддался ее уверениям и организовал ее проезд неправильно. Железной дороги через Сибирь еще не было, и Потанины ехали на лошадях от Челябинска до Кяхты в осеннее время, когда дороги уже плохи; в Кяхту Александра Викторовна приехала уже утомленная этим длинным путем на колесах в распутицу. Через Монголию следовало организовать, вместо тряской езды в монгольской повозке на сменных лошадях, медленный переезд на верблюдах в такой же повозке, но шагом, когда совсем не трясет, а ночью можно спокойно спать в той же повозке на остановках у юрт или в степи. Этот переезд занял бы лишних 20 дней, но Александра Викторовна отдохнула бы уже от пути через Сибирь и легче совершила бы остальной переезд через Китай, который также следовало бы совершить не на колесах, с ночлегами на постоянных дворах, дающих мало отдыха, и в носилках, а по воде, сначала морем из Пекина в Шанхай, а затем на пароходах и лодках вверх по реке Янцзы, почти до границы Тибета. Этот переезд занял бы меньше времени и был бы менее утоми-

телен для больной, которая прибыла бы к месту главных работ в гораздо лучшем состоянии.

В Пекине я видел Александру Викторовну несколько раз во время ее прогулок во дворе посольства, и один раз даже фотографировал ее в большой группе вместе со всеми членами посольства и сотрудниками экспедиции. Этот снимок сохранился у меня. Александра Викторовна жаловалась, что из-за ее болезни, усилившейся после длинной и тряской дороги через Сибирь и, в особенности, через Монголию, они задерживаются в Пекине, вместо того чтобы ехать дальше, но высказала надежду, что теперь будет спокойная дорога шагом на колесах и потом в носилках, а на границе Тибета, когда они туда приедут, будет уже весна.

Эту весну она встретила совершенно больной, и в начале осени ее увезли в лодке, на юг, в безнадежном состоянии.

Акад. В. А. Обручев

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной. «Северный вестник», кн. 4, 1895, стр. 250.
2. Г. Н. Потанин. Путешествия по Монголии. М., 1948, стр. 6.
3. Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной, стр. 244.
4. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895.
5. Там же, стр. XIII.
6. Там же, стр. XIII—XIV.
7. Там же, стр. XV.
8. Там же, стр. XV.
9. Н. Добротвор. История города Горького, стр. 72.
10. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. XVI.
11. К. А. Тимирязев. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов. М., 1920, стр. 51.
12. См. Н. А. Добролюбов. Избр. философ. соч. М. 1945, т. I, стр. 30—32.
13. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. XIX.
14. Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной, стр. 243.
15. Н. М. Ядринцев. Подвижница науки. «Книжки недели», № 1, 1894.
16. Там же, стр. 116.
17. Семенов П. П. История полувековой деятельности Русского Географического об-ва (1845—1895 гг.), ч. II, стр. 550.
18. Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной, стр. 241.
19. Н. М. Ядринцев. Подвижница науки, стр. 117.
20. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. XXIX.
21. К. А. Тимирязев. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов, стр. 45.
22. Там же, стр. 56.
23. Архив Шишкина. Рукописный отдел Гос. Публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, № 115.

24. Г. Н. Потанин. Путешествия по Монголии. М., 1948, стр. 21.
25. Там же, стр. 22.
26. Там же, стр. 35—36.
27. Там же, стр. 60.
28. В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин, М. — Л. 1947, стр. 100—101.
29. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. 182.
30. В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин, стр. 106.
31. Там же, стр. 113.
32. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. 69.
33. Там же, стр. 64.
34. Г. Н. Потанин. Путешествие по Монголии, стр. 179.
35. «Правда» от 28 ноября 1949 г. № 332.
36. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. XXXVI.
37. Там же, стр. XXXVI.
38. Там же, стр. XXXVI.
39. История СССР, том II, 1949, стр. 812.
40. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. 48.
41. Там же, стр. 51.
42. Там же, стр. 55—57.
43. Там же, стр. 63.
44. Там же, стр. 63—64.
45. Там же, стр. 67.
46. Там же, стр. 67—68.
47. Там же, стр. 69.
48. Там же, стр. 70.
49. Там же, стр. 71.
50. Попов И. И. Памяти Н. М. Ядринцева и А. В. Потаниной. Известия Вост.-Сиб. отд. Русского Географического об-ва, т. XXV, № 1, 1894, стр. 9.
51. Семенов П. П. История полувековой деятельности Русского Географического об-ва, ч. II, стр. 554.
52. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. XXIX.
53. Там же, стр. XXXI.
54. Там же, стр. XXXII.
55. Там же, стр. XXXV.
56. История СССР, том II, 1949, стр. 810.
57. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. XXXVII.
58. Там же, стр. 165.
59. Там же, стр. 171.
60. В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин, стр. 140.
61. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. 201.
62. Там же, стр. 195.
63. Там же, стр. 88.

64. Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной, стр. 244.

65. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. 89.

66. Там же, стр. 94—96.

67. Там же, стр. 93.

68. Там же, стр. 93.

69. Там же, стр. 113—115.

70. Там же, стр. 116—117.

71. Там же, стр. 119.

72. Там же, стр. 120.

73. Там же, стр. 123.

74. Там же, стр. 209.

75. Там же, стр. 143.

76. В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин, стр. 177.

77. А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, стр. 162—164.

78. Там же, стр. 36—37.

79. Там же, стр. XXX.

80. Там же, стр. XXXI.

81. Там же, стр. XXXI.

82. Там же, стр. XXXIII.

83. Там же, стр. XXXIII.

84. Там же, стр. XXXIII.

85. Там же, стр. XXXVII.

86. Там же, стр. XXIII.

87. Там же, стр. XXIII.

88. Там же, стр. 219—220.

89. Там же, стр. 220.

90. Там же, стр. 221.

91. Там же, стр. XXV.

92. Там же, стр. 225—226.

93. Там же, стр. 226.

94. Там же, стр. 227.

95. Там же, стр. XXIV—XXVI.

96. Там же, стр. XXIV.

97. Там же, стр. XXXVIII—XXXIX

98. Там же, стр. XL.

СПИСОК РАБОТ А. В. ПОТАНИНОЙ

1. Буряты	Труд, прил. к Всемирной иллюстрации, 1891, кн. 4—6.
2. Из наблюдений над жизнью бурят Верхнеудинского округа	Сибирский сборник, прил. к Восточному обозрению, 1890, вып. 1.
3. Молочное хозяйство у бурят Верхнеудинского округа	Известия Вост.-Сибирского отдела Русск. Геогр. общ., т. XXI, № 2.
4. Из странствия по Урянхайской земле	Сибирский сборник, 1891, вып. II, стр. 12.
5. Монголия и монголы	Читальня народной школы, 1891, ноябр. книжка.
6. Встреча с двумя монгольскими ванами	Русское богатство, 1890, № 1.
7. Среди широнголов	Русские ведомости 1888, №№ 140 и 145.
8. Религиозная пляска в монастыре Кадитава	Сибирь, 1885, № 29.
9. Гумбум, монастырь зонкавистов	Восточное обозрение, 1886, №№ 27 и 28.
10. Утай	Там же, 1884, №№ 45, 46 и 47.
11. Театральные представления и религиозные празднества в Китае	Литературный сборник, изд. газеты «Восточное обозрение», под ред. Н. М. Ядринцева, СПб., 1885.
12. О китайской женщине	Русское богатство, 1887, № 7.
13. Тысяча сто верст в носилках	«Восточное обозрение», 1893, № 24.
14. Дорджи, бурятский мальчик	Детский сборник, изд. В. Лесевича (СПб., 1892).
15. Китайский зверек	Родник, 1889, № 12.
16. Ахмет	Литературный сборник «Первый шаг» (Казань, 1876).
17. Тибет	Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю М., 1895, стр. 125—151.

О г л а в л е н и е

	<i>Стр.</i>
Предисловие	5
Глава первая	11
Глава вторая	22
Глава третья	39
Глава четвертая	48
Глава пятая	50
Глава шестая	60
Глава седьмая	65
Глава восьмая	76
В. А. Обручев. Воспоминания об А. В. Потаниной	92
Примечания	96
Список работ А. В. Потаниной	99

Редактор *С. В. Узин*. Технический редактор *Д. А. Глейх*.

Т-03143. Сдано в производство 11/II 1950 г. Подписано к печати 29/IV 1950 г. Формат 84×108^{1/32}. Тираж 50 000. Бум. лист. 1^{9/16}. Печатных листов 5,13. Учетно-издательских л. 5,4.
Цена 2 р. Заказ № 2232.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.